

Краеведчес-

кий сборник

~ 1

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ
ОКРУЖНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

Краеведческий
сборник
№ 1

г. Ханты-Мансийск
1958 г.

О Т Р Е Д А К Ц И И

10 декабря 1930 года декретом Совнаркома СССР был образован Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) национальный округ.

В целях изучения и показа природных богатств, истории и экономики округа исполком Уральского областного Совета депутатов трудящихся 9 июля 1932 года постановил организовать в окружном центре краеведческий музей, который был открыт для посетителей в 1936 году. Тогда он имел всего лишь один отдел советского строительства. Основу фондов музея составили экспонаты выставки пятилетнего юбилея округа.

За 21 год своего существования музей значительно вырос. В пяти экспозиционных залах размещены отделы—природы, дореволюционной истории края, истории советского периода с разделами: Великая Октябрьская социалистическая революция и Советизация Обского Севера, экономика округа; выставки «Старинная и современная национальная одежда и прикладное искусство народов Севера», «Боевые и трудовые подвиги наших земляков в период Великой Отечественной войны».

Кроме экспозиционных отделов, музей имеет отдел фондов, библиотеку, созданы фототека и научный архив.

С 1958 года музей начинает выпуск краеведческого сборника, в котором будут публиковаться статьи по истории, экономике, природе и естественным богатствам округа, документы, воспоминания, материалы в помощь учителю и краеведу, обзоры по фондам, залам и выставкам музея.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей.

Отзывы о сборнике, а также воспоминания, статьи и заметки редакция просит присылать по адресу: г. Ханты-Мансийск, ул. Комсомольская, 9, окружной краеведческий музей.

СТАТЬИ И ОЧЕРКИ

Г. П. ВОРОБЬЕВА — сотрудник
Ханты-Мансийского окружного
краеведческого музея

КРАЙ. В КОТОРОМ МЫ ЖИВЕМ

Ханты-Мансийский национальный округ Тюменской области расположен в бассейне двух крупнейших рек Западной Сибири — Оби и Иртыша и занимает территорию 558 тыс. кв. км. Эта территория больше Франции ¹⁾ и в два раза превышает территорию Англии ²⁾. С севера на юг округ простирается более чем на 900 км, а с запада на восток — более чем на 1300 км. На севере он граничит с Ямало-Ненецким национальным округом Тюменской области, на северо-западе — с Коми АССР, на юго-западе — со Свердловской областью, на юге — с Уватским и Тобольским районами Тюменской области и с Омской областью, на востоке — с Томской областью и Красноярским краем.

Округ почти полностью расположен в пределах Западно-Сибирской низменности и лишь узкая полоса его на западе заходит в пределы Приполярного и Северного Урала. Здесь, на границе с Коми АССР, находится самая высокая вершина Урала — Народная (1894 м. над уровнем моря). Поверхность округа поднимается над уровнем моря до 300—200 метров, в западной части — до 100—50 метров на равнине.

Равнинность территории, удаленность от Атлантического океана и Средней Азии, свободный доступ холодных масс воздуха с Карского моря делают климат округа резко континентальным, с суровой зимой, теплым и влажным летом. В июле средняя температура на юге округа плюс 18 градусов, на севере плюс 15 градусов. Количество атмосферных осадков за год на юге 480 мм,

¹⁾ Площадь Франции 551 тыс. кв. км. Атлас мира. Госполитиздат. 1955.

²⁾ Площадь Англии 244 тыс. кв. км. Там же.

на севере—390 мм, мощность снежного покрова от 55 см на севере, до 70 см на юго-востоке. Зима длится свыше 5 месяцев, лето—менее двух, при этом растения развиваются за счет продолжительности дневного света, число дней с «белыми ночами» увеличивается с юга на север почти в 4 раза.

Все реки округа принадлежат к бассейну Карского моря. Главнейшая речная магистраль—Обь с притоками Иртыш, Северная Сосьва, Большой Юган, Вах, Аган, Казым. Замерзают они почти на 6 месяцев. Реки являются важнейшими путями сообщения в округе. Общая протяженность судоходной и сплавной частей рек более 5 тыс. км. На реках возможно сооружение гидроэлектростанций. На территории округа много озер, а свыше половины его территории занимают болота. Леса, преимущественно кедрово-сосновые и еловые, занимают одну четвертую часть площади округа.

Почвы округа болотистые и подзолистые, имеют много разновидностей. Наиболее пригодные для земледелия на юге—в Кондинском и Самаровском районах; однако соблюдение всех агротехнических мероприятий дает возможность заниматься земледелием во всех остальных районах. Луга округа представляют хорошую кормовую базу для животноводства.

Богат и разнообразен животный мир нашего края. Таежные леса заселены пушными зверями: белкой, соболем, куницей, горностаем; из хищников имеются рысь и росомаха. Лесной великан лось—краса и гордость нашей природы (поголовье которого раньше было почти истреблено) сейчас является обычным и многочисленным зверем. Озера и старицы заселены переселенцем из Америки—ондатрой, в реках обитают выдры и американские норки. В верховьях рек Конды и Сосьвы водится редкий зверь—речной бобр. Среди птиц—глухарь, тетерев, рябчик, белая куропатка. Весной и летом на озерах и болотах обитают гуси, лебеди, речные и нырковые утки.

Водоемы округа богаты разнообразной рыбой. В большом количестве добывается осетр, стерлядь, сырок, нельма, муксун, язь, щука и др.

Только за годы Советской власти были выявлены богатства недр Ханты-Мансийского национального округа,

среди них топливные полезные ископаемые—торф, бурый уголь и природный горючий газ; строительные—известняки, диабазы, доломиты, мрамор, кварциты, глины. Кварцевые пески пригодны для производства стекла.

Коренное население нашего края—ханты и манси. Они известны в научной литературе под общим названием—обские угры.

Ханты составляют все коренное население Самаровского, Сургутского и Ларьякского районов Ханты-Мансийского округа, в Березовском и Октябрьском районах половину коренного населения составляют ханты, половину—манси, в Кондинском районе манси—70 процентов и ханты—20 процентов.

Первые письменные сведения об этих народах встречаются в русских летописях XI в. под названием «Югра», к этому же времени относится возникновение торговли между жителями Обского Севера и новгородскими купцами, потянувшимися в Югорию за мягкой рухлядью (т. е. пушниной).

Проникновение русских отрядов в Северо-Западную Сибирь усиливается с XIV в., после образования русского централизованного государства. Позднее народы Югры попадают под власть Сибирского татарского ханства. Поход Ермака (1581—1584 г.г.) положил начало упадку Татарского ханства и подготовил присоединение Северо-Западной Сибири к Русскому государству. В конце XVI—начале XVII в.в. начинается приток на Обской Север русских переселенцев из Центральной России. Чтобы удержать в повиновении коренное население края и регулярно собирать ясак (дань), в различных местах строятся города-крепости. Так, в 1593 г. был основан г. Березов (сейчас рабочий поселок Березово), в 1594 г.—г. Сургут (сейчас с. Сургут), строится Юильский городок в верховьях Казыма и ряд других крепостей. С целью обращения национального населения в христианство создается Кодский (Кондинский) монастырь (сейчас с. Октябрьское).

Для налаживания сообщения создается ямская служба. В 1637 г. строятся две первых ямских слободы—Са-

маровский и Демьянский «ямы», куда по царскому указу было направлено 100 семей ямщиков—русских переселенцев.

В XVII веке край является основным поставщиком пушнины для царской «соболиной казны». Начинается хищническое истребление пушных богатств края. С конца XVIII в. начинается эксплуатация рыбных богатств края, усилившаяся в середине XIX в с улучшением транспорта и началом парового судоходства.

Коренное население края находилось под двойным гнетом—местных кулаков, шаманов и русского царизма, купцов-рыбпромышленников Ницета и полуголодное существование приводили к распространению эпидемий и вымиранию национального населения. На огромной территории, входящей сейчас в Ханты-Мансийский национальный округ, было в 1913 г. всего 2 больницы на 46 коек. Коренное население края было сплошь неграмотным. О развитии каких-либо отраслей промышленности и говорить не приходится.

Возрождение края произошло только после Великой Октябрьской социалистической революции. За установление и упрочение Советской власти на Обском Севере в одних рядах боролись русские, ханты и манси против белогвардейцев и контрреволюционеров.

После окончания гражданской войны начинается строительство больниц и школ-интернатов, создаются культбазы и сеть красных чумов. В 1928 г. заложен первый венец рыбной промышленности края—Ханты-Мансийский (тогда Самаровский) консервный комбинат.

В 1930 г. постановлением ВЦИК от 10 декабря был образован Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) национальный округ. Это дало возможность быстрее и наиболее действенно проводить социалистическое, культурное и экономическое строительство.

В 5 км от с. Самарово вырос окружной центр—п. Ханты-Мансийск (с 1950 г.—город), являющийся не только административным, но также культурным, научным, промышленным центром и кузницей национальных кадров. Здесь находятся Ханты-Мансийский консервный комбинат, центральные ремонтные механические мастер-

ские, горпромкомбинат, деревообделочный комбинат и другие промышленные предприятия, кино-театр «Художественный», Дом культуры, несколько клубов, городская, окружная и детская библиотеки, музей, сельскохозяйственная опытная станция, Обь-Тазовское объединение Всесоюзного научно-исследовательского института озерного и речного хозяйства, опорный пункт Всесоюзного научно-исследовательского института животного сырья и пушнины, музыкальная и несколько общеобразовательных школ (в том числе 2 десятилетки), педагогическое и медицинское училища, торгово-кооперативная и сельскохозяйственная школы, школа подготовки кадров рыболовецких колхозов и другие.

За годы Советской власти в округе созданы лесная, рыбная и местная промышленность, охотничий промысел превратился в хорошо организованное охотничье хозяйство, больших успехов достигло сельское хозяйство. Дальнейшее развитие получил водный транспорт, воздушный транспорт связывает самые отдаленные уголки округа, из года в год увеличиваются грузо-пассажирские перевозки автотранспорта. Округ располагает хорошо развитой сетью школ, лечебных и культурных учреждений.

Наш округ имеет большие перспективы дальнейшего культурного и хозяйственного развития. Много внимания уделяется сейчас развитию общественного животноводства, для которого в округе имеются все условия. Для развития экономики округа важное значение имеет открытие природного горючего газа, бурого угля.

В дружной семье народов Советского Союза ханты и манси, как равные с равными, идут под мудрым руководством Коммунистической партии к своему светлому будущему—коммунизму.

В. Г. БАЛИН — главный
землеустроитель
Ханты-Мансийского
национального округа

К ИСТОРИИ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ У ХАНТЫ И МАНСИ

Обширна территория теперешнего Ханты-Мансийского национального округа. Свыше 558 тыс. квадратных километров земельно-водной территории занимает округ.

Еще в далеком прошлом территория округа была известна среди новгородцев, первых русских людей, ведущих торговые связи с местным населением, под названием «Югра» или «Югория».

Основными коренными обитателями этого края издавна были ханты и манси — народы финно-угорского племени, переселившиеся сюда в незапамятные времена. Ханты жили по всему нижнему течению Иртыша и по Оби с ее притоками, на протяжении от устья р. Вась-Юган до Обской губы. Манси жили в бассейнах реки Конды — притока Иртыша и реки Сосьвы — притока Оби, а также по притокам р. Тобола — рекам Тавде, Лозьве.

Ненцы на территории нынешнего Ханты-Мансийского округа немногочисленны. Проживали они и проживают сейчас лишь в северо-восточной части округа, расселяясь в верховьях рек Казыма, Назыма, Лямина и Агана, принадлежа к группе лесных ненцев (пянхазово). Отдельные семьи ненцев встречаются и по реке Сосьве с ее притоком р. Ляпин, но эти ненцы являются выходцами более поздних времен из-за Урала, с территории большеземельской тундры, нынешнего Ненецкого округа Архангельской области.

Территория, располагающая большими природными богатствами, была издавна ареной рабского угнетения и жесточайшей эксплуатации коренного населения — ханты и манси, как со стороны своих местных князей, кулаков и шаманов, так и со стороны купцов и царских чиновников.

Этот богатый край еще с XI века привлек внимание новгородских торговых людей, которые стремились сю-

да за пушными богатствами и прочей легкой наживой. Все увеличивающиеся обменные и торговые операции проникали со временем дальше и дальше за Урал, в глубь страны. Торговля передавала жителям Югры более совершенные предметы быта и орудия производства. В этом несомненно ее прогрессивная роль. Отсталые народы перенимали от новгородцев новые обычаи и новую технику. Но вместе с тем алчность торговых людей к легкой наживе, безнаказанность за это, при отсталости и доверчивости ханты и манси, породили обман, грабежи и разбойные набеги со стороны новгородских людей, нередко сопровождавшиеся кровавыми расправами над местными жителями.

Постепенно к богатствам Югры стали присматриваться и новгородские власти, которые по следам торговых людей стали засылать сюда свои рати (войска) для завоевания земель, покорения племен и сбора с них дани ценной пушниной.

Ханты и манси начали оказывать упорное сопротивление против завоевателей. Из истории известен ряд крупных вооруженных столкновений югорских племен с новгородскими ратями (1187 г., 1193 г.). Однако борьба с хорошо вооруженными войсками Новгорода была непосильна для югорцев, и с 1264 года Югория стала официально числиться в составе новгородских волостей.

В XV веке Югорским краем стало интересоваться Московское государство. С этого времени начались походы сюда московских ратей, в результате чего к концу XV века югорские племена признали власть Московского государства и обязались платить ему дань. Уже в 1488 году Иван III в своем титуле именуется «князем Югорским». Влияние Московского государства осуществлялось через Урал по истокам р. Щугора (приток Печоры) и затем вниз по реке Сосьве до Оби.

Почти параллельно с влиянием новгородцев, а позднее Московского государства в направлении из-за Урала, на ханты и манси оказывали влияние и татары, образовавшие в XV веке Сибирское татарское ханство, ведущее торговлю и захватническую политику с юга, в направлении с Турк. Тобола и Иртыша, на низовья до Оби.

В XIII—XV веках татары значительно расширили свои землевладения и в 1582 году, к моменту завоевания Сибири, южная граница расселения ханты по Иртышу переместилась к северу примерно до 60 градуса широты, до существующих до сих пор юрт Лебаутских (в настоящее время входят в состав Уватского района, Тюменской области).

Нельзя не отметить, что татары, как более развитая народность, принесли в край с одной стороны жестокую эксплуатацию и с другой стороны—земледелие, скотоводство и более развитую культуру.

Таким образом ханты и манси продолжительное время оказывались под двойным давлением. Лишь с завоеванием Сибири Ермаком, во второй половине XVI века, зависимость их от татар была ликвидирована.

В течение XVII века Московское государство распространило свое влияние на всю территорию Обского Севера, подчинив своей власти все население ханты, манси и ненцев. Для управления завоеванным краем и взимания ясака (натурального налога) на наиболее важных водных путях был построен ряд городов-крепостей: Тобольск (1587 г.), Березово (1593 г.), Сургут (1594 г.) и Обдорск (1595 г.—ныне г. Салехард). Одновременно со строительством г. Березова возникли крепостные укрепления в Казыме, Юильске, Коде (Кондинске) и Сартынье. Все эти крепости и явились первыми базами дальнейшего продвижения русских на север.

С этого времени большим потоком, вместе с военными силами, двинулись сюда и торговые люди. Началась безудержная колонизация края и, вместе с тем, беззастенчивая эксплуатация местного национального населения, а также гяжелые ясачные поборы.

Землевладение богатейшими земельно-промысловыми угодиями Севера складывалось почти теми же историческими путями, которыми шло землевладение царской России. В нем много общего с землевладением давно миновавшего прошлого.

По истории землевладения и землепользования до наших дней сохранилось немного документов и фактических признаков, позволяющих дать те или иные обобщения.

Распад родового строя у народов Обского Севера, очевидно, начался задолго до проникновения сюда русских.

пережитки которого сохранились до позднего времени. До сих пор характерным признаком существовавших когда-то родовых групп на территории Казыма является преобладание почти в каждом юртовом объединении фамилий основоположников рода: в Амнинском—Ерныховы, Хуллорском—Тоголмазовы, Хоровы, в Юильском—Молдановы, на р. Сосьве—Таратовы, на р. Ляпине—Хозумовы и т. д.

Распад родового строя двигался двумя путями: во-первых, на основе землевладения, расширения границ промысловых угодий, через постоянные враждебные столкновения со смежными родами, на почве захвата более лучших угодий. Введение наиболее совершенных средств производства и, следовательно, экономическое превосходство одного рода перед другим— вот факторы, способствовавшие расслоению родовых общин. Частная собственность, эксплуатация труда более слабых членов рода, создали предпосылки к разделению родов на самостоятельные хозяйственные группы, то-есть семьи, начатки вотчинного строя, с явными признаками феодальных отношений.

С возникновением частной собственности появляется имущественное и общественное неравенство. Происходящие враждебные столкновения между родами выделяют предводителей дружин—военных вождей, которые, благодаря военной силе и богатству, сосредоточивают в своих руках власть над сородичами. Создаются племенные княжества, первоначально на основе родовых связей, затем на основе насильственного подчинения и захвата охотничьих и рыболовецких угодий, с правом сбора ясака в свою пользу.

Вся территория теперешнего Ханты-Мансийского округа уже в XV веке была разделена на отдельные вотчины, именуемые в русских документах княжествами. Наиболее крупными из них были: Кодское княжество—владение князей Алачевых, Ляпинское — князей Таратовых, Казымское — князей Райдуковых и Молдановых, Белогорское — князей Самары, Бардаковское (около села Сургута)—князей Бардаковых, Пелымское—князей Лозвиных, Сатыгинское — князей Сатыгиных и т. д.

Второй путь образования вотчинников шел таким образом. В момент присоединения Сибири и, в частности, Обского Севера к Русскому государству, путем воору-

женного захвата территории и насильственного покорения, царское правительство, естественно, шло по линии завоевания авторитета среди экономически крепких хозяйств националов с тем, чтобы через них подчинить основную массу населения. Наиболее легко поддавшимся подчинению и высказавшим свою покорность выдавались особые царские грамоты на владение землями, с правом сбора ясака. Сохранились некоторые документы, узаконивающие владения таких князей. Так, грамотой царя Федора Ивановича, данной в 1594 году 18 февраля, были пожалованы сыну князя Алача Игичею и племяннику его Онже Юрьеву земли. Грамота говорит: «Пожаловали осми отчины своей Сибирские земли остяцкого Игичея князя Алачева, да брата его Онжю Юрьева за их службу в сибирской земле волостью Восполукук, да волостью Колпулук со всеми угодьями и ясаком и людей в тех волостях в Восполукукской волости—8 человек, а в Колпулукской—три человека. Игичею князю Сибирскому теми волостями владети и ясак с них збирать на себя. А нашим сибирским воеводам и приказным людям с тех волостей ясаком в нашу казну не имати, и их ни в чем не судити, и ведает и судит и подать свою емлет с них князь Игичей да брат его Онжа»¹⁾. Заслуживает большого интереса создание известного в истории крупнейшего Кодского хантыйского княжества. 20 мая 1582 года, когда сподвижник Ермака Богдан Брызга разбил на устье Иртыша князя Самара, ханты вынуждены были присягнуть на верность русскому царю и внести ясак, старейшиной над ними был поставлен князь Большой Алачей, ранее проживавший на реке Ходас-Юган в 20 верстах от городка Коды. У Алача был сын Игичей и племянник Онжа Юрьев, им и была выдана приведенная выше грамота, выданная в 1594 году за их службу в Сибирской земле. Вскоре князья Алачевы стали владельцами обширной территории, простиравшейся от устья реки Иртыша до г. Березова. Сюда входили семь хантыйских городков: Ендырь, Карымкар, Мало-Атлым, Больше-Атлым, Кода, Шеркалы и Чемаша, составлявшие так называемое Кодское княжество. Семья князя Игичея Алача

¹⁾ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север. 1903 том 1. стр. 186

первой приняла христианство в 1599 году и была на приеме в Москве у царя.

Другой знатный хантыйский князь Лугуй в 1586 году, побывав в Москве по уполномочию шести городов: Куновата, Илума, Ляпина, Мункоса, Юлия и Сугмута, получил от царя Федора Ивановича охранную грамоту, которая была подтверждена Указом Екатерины II, изданным в январе 1768 года на имя потомка Лугуя—князя Якова Артанзеева. ¹⁾

За царскую службу на Сибирской земле грамотой царей Ивана и Петра Алексеевичей, данной 28 февраля 1692 года, князю Юзору Райдукову представлялось управлять Казымской волостью и собирать ясак в свою пользу.

Основным промысловым занятием народностей Севера является охотничий промысел, равно доступный для жителей как приречных, так и таежных и тундровых зон. Наряду с этим оленеводство в производственной деятельности и в быту национального населения играло и играет сейчас огромное значение. Олень—это мясо для питания и теплая одежда. Олений транспорт тесно связан с охотничьим промыслом, от него зависит доходность пушного зверя. Наконец, олень—единственный вид транспорта для связи и перевозки товаров потребления и добытой продукции к местам сбыта. Естественно, что олени и пушнина составляли основное богатство национального хозяйства, так сказать, его товарный фонд. Рыба (в то время), особенно в отдаленных местностях, имела почти исключительно потребительское значение и служила наряду с мясом диких животных основным продуктом питания. Рыбный промысел получил свое развитие значительно позднее с улучшением путей сообщения (конно-обозного транспорта и, особенно, судоходства).

Постепенно стали расти крупные промысловики, появились торговцы из кулацко-шаманской верхушки. Менее же устойчивые в производственном отношении, находясь под давлением своих экономически сильных соплеменников, стали слабеть. Усиливающаяся эксплуатация труда, умножение частной собственности, более интенсивное ис-

---

¹⁾ А. А. Дуний-Горкавич. Тобольский Север. 1903 том 1.

пользование естественных богатств, через введение наиболее совершенных средств производства, вызывает появление и бурный рост батрацко-бедняцкой группировки.

Так начала складываться в конце XVIII—начале XIX веков экономическая и вместе с тем социальная дифференциация.

Происходят и изменения в землевладении. Кулаку и торговцу становится выгодным, чтобы и бедняцкое хозяйство имело свои угодья; чтобы вся добываемая продукция попадала именно кулаку и торговцу. Возникает общинное землевладение, при котором каждый населенный пункт или группа их составляют земельные объединения, правда, никем и никогда не оформленные. Находящиеся в Казыме шесть юртовых объединений: Мозямское, Выргимское, Амнинское, Хуллорское, Ильбигортское и Юильское имеют сходство с земельными обществами центральной части России.

Границы, установленные по естественным признакам—рекам, болотам, водоразделам и т. д., хорошо были известны окружающему населению и строго охранялись каждым юртовым объединением.

У лица, нарушившего право землевладения, отбирается все добытое на чужой территории, или с него взыскивается стоимость добытого.

Можно привести факт наказания за самовольное вторжение на чужие вотчинные земли, записанный в постановлении Кодского старшины 19 декабря 1899 года. ¹⁾

«Кодский инородческий старшина Алачев, разобрав жалобу вотчинников—инородцев Нагакорских юрт, нашел, что Гордей Аренхов самовольно вторгнулся в их дачи для звериного промысла, пройдя дачи и инородцев юрт Алешкинских и Низямских, причем Аренхов сознался, и что доверенные от инородцев Нагакорских юрт, Василий Охранов и Иван Хатылов, потребовали с Аренхова за самовольное вторжение в их вотчину 70 рублей правильно, предложил тяжущимся покончить дело миром. И так как доверенные согласились получить с Аренхова за нарушенное им право только 55 рублей, постановил: взыскать с

¹⁾ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север, 1903, т. 1.

Аренхова 55 рублей, обязав его впредь никогда на чужие вотчины не вторгаться».

У ханты и манси, в отличие от русской общины, внутри каждого земельного объединения никаких переделов угодий не существовало.

Каждое хозяйство имело внутри земельного объединения особые угодья, в определенно установленных границах, на территорию которых также никто не допускался. Эти «наделы» передавались от отца к сыну, а в случае выморочности хозяйства обычно захватывались соседним экономически крепким хозяйством. Вопрос приема нового члена обычно обсуждался и решался всем «миром» — сходом. Здесь, конечно, решающее значение имело мнение кулацко-шаманской верхушки. Новое хозяйство не всегда получало угодье в свое пользование.

Из наиболее устойчивых вотчинников, сохранивших свое землевладение до Великой Октябрьской революции, и даже позднее, до периода коллективизации, следует отметить таких кулаков, как Захаровых, имевших крупные владения в бассейне реки Сорум (приток Казыма) и в водоразделе верховьев Куновата, Полуя и Надыма. На этой территории еще в 30-х годах XX века выпасались крупные олени стада Василия Захарова (Васька—Сорум), исчисляемые до 5000 голов; кулаков Молдановых в вершине реки Казыма и его притоков рр. Ай-Курьех, Синь-Еган и Шоур-Вош-Еган, где располагаются богатые охотничьи угодья; кулаков Таратовых в верховьях реки Сосьвы, кулаков Куниных—в верховьях реки Тольки (приток Таза). Из национального населения выделяются также кулаки-торговцы Казымкины — в верховьях рек Пур, Аган и Тром-Аган и крупные рыбопромышленники, например, сосьвинский кулак Сайнахов, имевший рыболовные промыслы на территории Теги—Мужи—Кушеват.

Все угодья, как рыболовно-охотничьего значения, так и сленепастбища, расположенные в границах вотчин, состояли в исключительном пользовании кулаков. На эти угодья никто из окружающего населения не допускался под страхом ответственности перед кулаком. Право в этом случае было на стороне кулака, он сам творил суд и расправу. Это исторически сложившееся влияние кулака на

остальную массу населения было настолько сильно, что вызвало немалые трудности при проведении первоначального земельно-водного устройства, впервые в 1930—34 гг., положившее конец кулацкому землевладению.

Наряду с кулаками громадное значение в быту и экономике национального населения играли шаманы. Никакое более или менее важное обстоятельство в семейной жизни хозяйства или рода, также и в производственной деятельности их, не обходилось без шамана. Он — жрец, предсказатель и в то же время «лекарь». По понятиям националов шаман был посредником между людьми и божеством. Несмотря на интенсивное проникновение христианства на Север с начала XVIII века и официальное признание ханты и манси уже в XIX веке православными, почти все они до настоящего времени не оставляли своего прежнего верования; их религиозные взгляды представляют из себя смесь плохо привитого христианства и шаманства с преобладанием последнего. Получая за свои «труды» довольно высокую плату как деньгами, так и натурой, хозяйства шаманов, естественно, были экономически мощнее хозяйств всей остальной массы населения и близки по своей экономике к кулацким. По инициативе шаманов создавались особые участки промысловых земель, которые назывались «святыми» и состояли в исключительном владении шаманов. Под страхом наказания от высшего божественного существа вход туда не разрешался не только для промысла, но и для других каких бы то ни было целей. Таких участков на территории теперешнего Березовского района к началу XX века насчитывалось несколько, так, например, по р. Казыму—среднее течение притока р. Сорум, район озера Нум-то, по р. Сосьве—весь бассейн двух рек Ялбынь-я, состоявший в пользовании крупных шаманов Сайнаховых, по р. Малой Сосьве, в ее вершине—в пользовании шамана Дунаева. Интересно то, что право прохода на святое место по речке Сорум, кроме шамана, имел кулак Василий Захаров. Святые места имелись и на территории Кондинского района в верховьях речки Мулымьи, по р. Евре и во многих других местностях. Землевладение шаманов, как и кулаков, было настолько сильно, что, так называемые «святые места» тщательно оберегались всем национальным населе-

нием. Выявление их, с целью ликвидации при проведении первоначального земельно-водного устройства в 1930—1934 г.г., представляло значительную трудность. Экспедиция, проводившая в 1933 г. наряду с землеустроительными работами статистико-экономическое обследование в бассейне реки Казыма, встретила недоброжелательное отношение со стороны населения. При продвижении экспедиции вверх по Казыму население избегало встреч с работниками экспедиции, уходило со своих стоянок в лес или же отказывалось давать те или иные сведения. Только лишь после посещения влиятельного кулака Молданова (юрты Ай-куръех-курт) — кстати, потомка князя Молдана — экспедиции удалось уже на обратном пути получить от населения все нужные сведения и успешно провести работу. Этот факт говорит о том, насколько было велико влияние кулацко-шаманской верхушки.

Подчинив ханты и манси, царское правительство усиленно стало насаждать среди них христианство. Направляется ряд миссионеров, создаются два монастыря: один в Коде (в 1657 году) на месте теперешнего с. Октябрьского, и в крепости Березово (в 1704 г.), но последний за малочисленностью монахов и, очевидно, за бездеятельность был упразднен в 1723 году. Грамотой царя от 20 октября 1657 года велено: «в том Кодском городке монастырю, старцам и дьячку и пономарю быть и ругой жалованием их устроить». История возникновения Кондинского монастыря ярко характеризует колониционно-миссионерскую деятельность царского правительства. Этот монастырь был основан на землях вотчины князя Игичея Алача, семья которого первой приняла христианство. В 1679 году Кондинскому монастырю выделены два острова и луг за р. Обью. Одновременно была пожалована земля на р. Исети в бывшем Ялуторовском уезде (теперь Курганской области), с. Николаевское, позднее переименованное в с. Кодское, и четыре деревни: Кулканская, Городищенская, Зырянская и Макарьевская.

Грамотой царя Федора Алексеевича 18 декабря 1679 года было определено Кондинскому монастырю 50 семейств крепостных крестьян, каковые были выселены из Пермской, Вятской и Казанской губерний и считались монастырскими крестьянами. Потомками их, очевидно, надо считать теперешнее население с. Октябрьского.

В 1683 году у монастыря в Кодске имелось уже 12 лошадей, 47 коров, 2 быка и 12 телят. На Николаевской зимовке, на р. Исети, в 1683 году по переписным книгам того же года числилось 350 десятин пашенной земли, сенокосу на 12000 копен или 48000 пудов сена, крепостных крестьян 679 человек, из них трудоспособных «тягловых луков» 263 человека.

Помимо жалованных земель монастырь сам покупал себе угодья вблизи монастыря. Например, сенокос на 2000 копен—за 5 рублей у ханты Мозина в декабре 1690 года, рыболовные угодья—за 10 рублей у принявших христианство ханты Сидорова, Васильева и Тимофеева и рыболовные угодья — за 10 рублей у ханты Петра Сандина.

Монастырь занимался рыбным промыслом. Имелись свои рыболовные угодья, орудия промысла, каюки, неводники. Добываемая рыба осенью направлялась на каюках монастыря в г. Тобольск для продажи. Часть рыбы весной транспортировалась по рекам Иртышу, Тоболу и Исети в Николаевскую (Кодскую) заимку, откуда каюки с грузом муки и других припасов возвращались обратно.

Такое землевладение монастыря было нарушено манифестом Екатерины II, по которому в 1764 году все архиерейские, монастырские и церковные крестьяне, а также вотчины были переданы в ведение государства. Содержание монастыря было принято за счет казны. Но, несмотря на это, монастырь в экономическом отношении шел к упадку. Для укрепления экономики монастырю был дополнительно отведен еще ряд рыболовных угодий, а также участок кедрового леса в Вандомском бору площадью 150 десятин. Многие рыбугодья стали передаваться монастырем в долгосрочную аренду русским промышленникам. В 1891 г. монастырь потерял свою самостоятельность, «как пришедший в крайний упадок и запустение», и был превращен в филиал Ивановского женского монастыря, находящегося в окрестностях г. Тобольска. Площадь землепользования Кондинского монастыря по межеванию 1898 года составляла 5713 десятин.

Царское правительство, желая упрочить на Севере свое влияние и внедрить торговый и промышленный капитал, усиленно способствовало заселению Севера как в прину-

дительно, так и добровольном порядке. Первыми русскими поселенцами явились воинские части, осевшие в конце XVI века во вновь построенных крепостях: Березове, Сургуте, Сартынье, Кодске и др. Позднее потомкам этих поселенцев было присвоено звание государственных крестьян и предоставлено право землевладения сельскохозяйственными и промысловыми угодьями. Так, в 1891 году березовским государственным крестьянам были отведены по официальному межеванию земли на площади 10743 десятины из земель ханты юрт Непкинских. По царскому указу в 1590 году велено было отправить в Сибирь 30 семей жителей Сольвычегодского уезда. Вскоре с образованием крепостей Сургута и Нарыма сюда были направлены еще 112 человек. Численность населения Сургута к 1601 году составила уже 280 человек.

Единственным летним транспортным путем в то время являлась водная артерия Оби, Иртыша и их притоков. Для зимних перевозок использовался лишь олений транспорт, но и он был возможен лишь в северной части края, в среднем и нижнем течении Оби. Применяемые частично собачьи упряжки были мало эффективны. Внутренние перевозки выполнялись местным национальным населением, которое выполняло эту обязанность в порядке повинности. С увеличением грузооборота и усилением переездов царских чиновников и других служилых людей правительство решило в начале XVII столетия создать в низовьях Иртыша, для связи с гор. Тобольском, ряд ямских слобод, или так называемых «ямов», на базе русского населения, переселяемого для этих целей из прилегающих к Сибири местностей. Так, в тридцатых годах XVII века на месте юрт Немьяна (теперешнее село Демьянское Уватского района) и Самары (позднее село Самарово, ныне г. Ханты-Мансийск) были созданы Демьянский и Самаровский ямы. Для заселения их по царскому указу в 1635 году были подобраны и переселены из Олонецкого, Вологодского и Пермского краев свыше 100 человек «семьянистых» ямщиков с женами и детьми вместе с подводами. Пополнение этих русских поселений производилось и позднее. Потомками их и следует считать теперешних коренных русских жителей низовьев Иртыша и приустьевой его части.

Переселяемым ямщикам отводились в бесплатное пользование пахотные, лесные и другие угодья, за что они обязывались обеспечивать бесплатные перевозки водным и дорожным путем на расстоянии от одной станции до другой. Со временем законные права на представленные в пользование жителей ямских слобод земли и угодья не стали удовлетворять наиболее предприимчивых из них. Началось приобретение земель и промысловых угодий у ясашных ханты соседних Цингалинской, Базьяновской (Темлячевской), Белогорской и Селияровской инородческих (национальных) волостей. Так, в 1679 году один из крупных земельных собственников ямской охотник ¹⁾ Кирилл Шаламов с сыном Никитой купили за 20 рублей земли на Иртыше, в 1685 году цингалинские ясашные ханты, задолжавшись Шаламову и Худякову 40 рублей, вынуждены были отдать им сенокосные, рыбные угодья и птичьи ловли на Иртыше между Кондой и дер. Реполовской. В 1686 году белогорские ясашные ханты, занявшие 10 рублей денег у самаровских ямских охотников Змановского, Оленева и Тимофеева, заложили им свой остров на Оби. В тяжелый малодобычливый 1687 год темлячевские ханты за 30 рублей, которые они заняли у Скрипунова для покупки хлеба, вынуждены были отдать последнему свои земли на Оби против протоки Соспас. Шапшинские ханты, занявшие на хлеб и ясак у Сумкина, Змановского, Корепанова и Погадаева 10 рублей, заложили по пр. Неулевой рыбные угодья, сенокосы и настбища для совместного пользования. Талимковские ханты за 10 рублей отдали Коневу свой остров по протоке Неулевой.

По мере заселения низовьев Иртыша и улучшения средств сообщения ямские слободы стали терять свое первоначальное значение. В 1761 году указом Сената для Самаровского и Демьянского ямов было оставлено лишь 400 ямщиков, остальные 1550 человек были переселены в Барабинскую степь. Не подлежит сомнению, что на новые места ушли безземельные или малоземельные семьи. Земли же уехавших были перепроданы оставшимся русским поселенцам. В середине XVIII века окончательно утвердились и обжились собственными землями и угодьями: в

¹⁾ Так в документах XVII—XVIII вв. именуются жители ямских слобод.

Темлячевской волости—Хозяиновы и Башмаковы, по пр. Неулевой и вверх по Оби—Спиридоновы, Коневы, Сумкины, Паромовы, Пачгановы, вниз по Оби—Корепановы, Скосыревы и Звягины. В с. Самарово окончательно закрепились Шаламовы, Змановские, Шеймины, сосредоточив в своих руках большие площади сельскохозяйственных и промысловых угодий, причем последний вскоре приобрел купеческое звание.

Процесс приобретения земель и угодий русским населением у ханты и манси в низовьях Иртыша продолжался и весь последующий период до советизации Севера. Истории известны и многие другие факты купли—продажи земель и промысловых угодий. Иногда такие факты оформлялись в виде заемных и поступных документов. Мы позволяем себе привести два таких документа.¹⁾

Заемная. Се аз ясашный остяк Тобольского уезда Темлячиевы волости Володимерко Левкин с племянником своим Воймохом заняли есми на Самаровском яму у ямских охотников у Зеновья да Андрея Васильевых детей Пачгановых пять рублей денег Московских, ходячих, прямых, без приписи, впредь до сроку до маслиной недели нынешнего 208-го году. А в тех деньгах заложили и подписали мы остяки им Зеновью и Андрею вотчинные своей земли остров Сосновой; а тот остров на верхнем конце Неулевой протоки вверх идучи на левой руке; а межа тому острову: с одну сторону снизу протока Соспос, а другая протока Нурьилк, а с третью сторону Неулева протока, а с четвертою сторону большая река Обь. И что есть на том острову всяких угодий рыбных ловель и перевесные места со всем угодьем и курейные места. А заняли мы остяки те денги у них Зеновья и у Андрея в голодное время себе на пропитание и в государев ясак. А буде мы того острова своего в срок не выкупим, и мы им Зеновью и Андрею тем островом и со всеми угодьи и сенными покосы вечно владеть и дворами ставится. А до сей крепости та земля никому у нас не запродаана, ни заложена, и никому не подписана. А буде хто по каким крепостям учнет в тое землю вступаца, и нам остякам от тех крепостей их Зеновья и

¹⁾ по ислям XVIII века, архив Самаровского волостного управления. Х. Лопарев—Самарско, изд. 2-ое, СПб, 1896.

Андрея очищать и выкупать своими деньгами, а в том им убытки не учинить.

А буде в каковом нашем неочищении учинитца им Зеновью и Андрею какой убыток, и тот убыток взять им Зеновью и Андрею на нас же остяках по их скаске. А толмачил у сей записи новокрещен гулящий человек Иван Данилов сын Назымко. А закладную писал Самаровского яму писчей дьячек Васка Арефьев лета—7208-го года генваря в 10 день. У той поступной крепости томги теми остяками приложены тако: знамя Володи (луна + солнце) мерково; знамя (. . . . .) Ваймохово: к подлинной записи вместо толмача Ивана Данилова по его велению Ивашко Погодаев руку приложил. 1727-го года августа в 20 день сия поступная крепость в Самаровском яму у крепостных дел в книгу записана по объявлению Самаровских ямщиков Михайла да Екима Зиновьевых детей да Бориса Андреева сына Пачгановых; за письмо пять копеек, от записки тож число, на нужные расходы две чети, сверх обыкновенных зборов с одного доходу четь, с пяти рублей по гривне с рубля пошлины, за гербовую бумагу за повенцыи четыре копейки всего шестьдесят четыре копейки три чети по указу взято. Подписал надсмотрщик Антон Ермаков.

Поступная. «1728 года августа в 5 день Темлячевой волости Шапшиных юрт новокрещенные ясашные остяки Дементей Евдокимов сын Ортыш Гаврило Васильев сын Невуль, Иван Васильев Кыр, Петр Дмитриев сын Попусов, Филипп Михайлов сын Килайко, Ларион Кипрянов сын Растегай, Лаврентий Ларионов сын Конец, поступился за свой долг и расплаты прежних своих долгов, а не для какого своего неправдивого укрепления и тайного подлогу и всякого переводу, но сущею правдою, от ставному солдату Николаю Федорову сыну Зуеву, Самаровским ямщикам Овдокимову Сергееву сыну Змановскому, Якову Васильеву сыну Лыткину, землею своею в век без выкупу вверх идучи по Неулевой протоке на правой руке яр Березовой. А той земли межа: с верхнюю сторону Елова протока того острова, а с нижнюю сторону межа: вешные юрты Сенперовы левой остров; и волно им Николаю Зуеву с товарищи на оной земле дворами селитца, сено, где родится, косить и скот выпускать, рыбу

и птицу промыслять. А денег взяли мы остяки у них солдата и у ямщиков пять рублей в ясашной платеж. А оная наша земля преж сего никому не продана и не заложена и ни в каких письменных крепостях не подписана, оприч сей поступной крепости. А ежели кто станет вступатца, сродичи наши, или иноземцы, и ямщики, и нам остякам очищать самим собою, а им Николаю Зуеву с товарищи убытка никакого не учинить, а очистя отдать им же по прежнему, в том и сию поступную дали. У подлинной крепости подписано тако: К сей поступной крепости вместо новокрещенных остяков Дементия Евдокимова сына Ортиша с товарищи по их прошению Самаровской Покровской церкви поп Василий Леввин руку приложил. У подлинной поступной крепости свидетелем был Самаровский ямщик Иван Федосеев сын Кузнецов руку приложил. А поступную крепость писал по их Дементьеву с товарищи прошению Самаровского яму житель Алексей Кудрявцев. У той же крепости на обороте подписано ж тако: 1728 года августа в 5 день сия поступная крепость у крепостных дел в Самаровском яму в книгу записана в пяти рублях; с пяти рублей пошлины по гривне с рубля, за письмо пять копеек, от записки то же число, на нужные расходы две чети, сверх обыкновенных зборов с оного доходу четь, за гербовую бумагу доимку две копейки, всего шестьдесят копейки три чети по указу взято. Подлинной подписал тако: надсмотрщик Антон Ермаков».

Есть факты аренды, где обеими сторонами сделок на аренду являлись и националы. Так, например, казымцы-ханты почти ежегодно арендовали у обских ханты рыболовные угодья, расположенные по Оби, за плату по 7 рублей с хозяйства, тогда как ежегодная добыча с этих угодий составляла 20 рублей на хозяйство. Ляпинские манси также арендовывали у иримских рыбные угодья для летнего промысла.

Интересны факты передачи части угодий вместе с женихом или невестой, переходящими из одного юртового объединения в другое. Например: когда то из Выргимского юртового объединения была выдана невеста в Амнинское объединение, за что вотчинник, приобретший невесту, допустил, очевидно по «сговору», стадо оленей родственников невесты для выпаса на пастбищах

Амнинского юртового объединения, в ущерб населению последнего. Это положение вылилось в застарелый спор и было ликвидировано только в годы Советской власти при проведении земельно-водного устройства.

Улучшение судоходства в низовьях Иртыша и Оби, вначале несамоходного, а затем с 1860 года введение парового флота (в этом году впервые прошел из Тобольска через Самарово до Березова пароход купца Рязанова) положило начало развитию рыбной промышленности: местные промышленники-купцы получили выгодный способ вывоза рыбы и прочих богатств края. В погоне за наживой двинулось сюда и купечество города Тобольска. Началась безудержная эксплуатация национального населения, увеличились факты захвата наиболее ценных промысловых угодий под видом аренды на продолжительные сроки. Из рапорта березовского земского исправника видно, что уже в 1868 году 26 самых лучших стрележеских песков состояли в аренде у крупных промышленников-купцов с. Березова и с. Кондинска. Арендная плата составляла 1498 рублей 76 коп. в год. Кроме того, три наиболее крупных песков по реке Сосьве также арендовывались купцами. В начале 1900-х годов из 87 крупных стрележеских песков на Оби от Сургута до Березова только 29 находились в пользовании местного национального населения, остальные 58 были в продолжительной аренде у русских купцов-промышленников за ежегодную арендную плату в 5213 рублей. Из 79 песков и рыболовных мест, расположенных в низовьях Оби, 61 находился у тобольских купцов Корниловых, Плотниковых, Карповых и Фофановых, за годовую арендную плату в 5757 рублей. Количество купцов к концу прошлого века только по Березовскому уезду исчислялось до 40 человек, из них город Березов имел в 1890 году 16 купцов. Продолжительный срок аренды объясняется крайне низким экономическим уровнем национального населения, не могущего самостоятельно вести интенсивный лов своими силами. Обычно оформлению сделки на аренду предшествовала обильная выпивка за счет купцов. Пристрастие националов к алкоголю снижало действительную стоимость аренды и угодья почти за бесценок переходили в пользование купцов.

Особо надо указать на переселение в край коми—зырян, выходцев с реки Ижмы (приток Печоры). Первое зырянское семейство появилось в 1842 году и поселилось на месте теперешнего села Саранпауль.¹⁾ Наличие хороших оленьих пастбищ в водоразделах рек Ляпин и Сыня привлекло сюда кочевников-оленеводов коми—зырян. Здесь, а также на западном и восточном склонах Урала выпасались крупные кулацкие стада в ущерб землепользованию оленеводов — манси бассейна реки Сосьвы. Сотни батраков из ханты и манси пасли эти стада. Крупные оленеводы коми—зыряне сконцентрировали в своих руках транзитную торговлю рыбой, пушниной и меховым сырьем, транспортируя их через Урал на Ижму и Печору.

Беззастенчивое занятие исконных земель и угодий, жесточайшая эксплуатация, тяжесть налоговых поборов, бесправное положение создали для ханты и манси тяжелое экономическое положение. Национальное население стало постепенно отходить на угодья худшие и дальние. Уже к концу XIX века в таких ранее крупных национальных населенных пунктах, как Малый Атлым, Новые, Шеркалы, Чемаша, Няксимволь (на Сосьве), Леуши (на Конде) не было ни одного национального хозяйства.

Местное национальное население не сразу примирилось со своей участью, довольно часто вспыхивали то там, то здесь протесты против русских колонизаторов.

Князья и родовая знать, возглавляя вооруженные столкновения с русской администрацией, всякий раз стремились использовать в своих целях выступления бедняцкой части национального населения, пользуясь забитостью и нищетой бедноты, а также подстрекательством со стороны шаманов.

Истории известны также и выступления бедноты против своих князей: в 1606 году кондинские манси вооруженно выступили против хантыйского князя Алачева, стремившегося распространить свое влияние на р. Конду, в 1636 году кодские ханты, отказавшись платить ясак и повиноваться кодскому князю Алачеву, подняли против него вооруженное восстание.

---

¹⁾ мансийское — зыряне (саран), деревня (пауль).

Переходя к рассмотрению юридических прав на земле-
владение и землепользование в здешнем крае в дорево-
люционном прошлом, следует отметить, что переселение
сюда русского и коми-зырянского населения, как воль-
ное, так и невольное проходило без какой-либо системы,
хотя царское правительство предоставляло различные
льготы русским переселенцам. Например, положением
Сибирского Комитета, утвержденным правительством
19 марта 1854 года, русским жителям были представлены
в полное пользование земли, состоящие под дворами,
домами и надворными постройками. Однако юридиче-
ских прав на землевладение сельскохозяйственными и
промысловыми угодьями русское население не имело, за
исключением землевладений Кондинского монастыря и
березовских государственных крестьян. Вся земля и
угодья формально состояли во владении национального
населения. Из материалов известного дореволюционно-
го исследователя Обского Севера А. А. Дунина-Горкави-
ча, со ссылкой его на свод законов о правах по имуще-
ству кочевых инородцев, видно, «что каждому поколе-
нию, роду, назначены во владения земли и воды и что по-
селение русских на этих землях обуславливается согла-
сием инородцев, каковое должно быть закреплено при-
говором». 1) А. А. Дунин-Горкавич приводит также
разъяснения Министерства земледелия и государствен-
ных имуществ, «что земли, находящиеся во владении си-
бирских инородцев, следует считать казенными, если в
отдельных случаях инородцами не будут представлены
точные доказательства принадлежности их земель в соб-
ственность». По положению об инородцах, основанному
на законе от 22 июля 1822 года, кочевые инородцы со-
ставляют особое сословие. По законоположению, осно-
ванному на 669 ст. законов о состояниях издания 1857
года «все земли и угодья, принадлежащие каждому се-
лению, каким бы образом вначале они ни были приоб-
ретенны, по прежним ли дачам и крепостям или отведе-
ны от казны для водворения и наделения, считаются ка-
зенно-общественным имуществом и владение ими предо-
ставляется мирскому обществу с платежом установ-

---

1) А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север. 1903 том 1,
стр. 186.

ленного оброка без ограничения времени и срока». ¹⁾ Из смысла закона от 23 мая 1896 г. о главных основаниях поземельного устройства в Сибири видно, что земли, занимаемые инородцами, принадлежат казне. Если при прямом толковании свода законов о правах инородцев поселение русских должно обуславливаться согласием инородцев и закрепляться их приговором, то фактически, на деле было иначе. Возникающие споры по землевладению, обычно разрешались далеко не в пользу нацисналов. В 1691 году тимошкинские ханты за 16 рублей уступили Самаровскому ямщику Шаламову свои земли на Иртыше. Через год тобольский воевода признал права Шаламова на эти земли законными. В 1696 году белогорские ханты также заложили свои земли Шаламову, закладная об этом через полтора года явилась юридическим документом при возникшем тогда процессе между белогорскими ханты и самаровскими крестьянами, который разрешился не в пользу первых. Приведем еще один документ из решений Тобольской казенной палаты, хорошо иллюстрирующий права национального населения: «Инородцы Кочегатских юрт (они же Тегинские) Куноватской волости, Обдорского участка, Березовского уезда возбудили 21 февраля 1881 года дело о возвращении части Тегинской Оби, находящейся во владении березовских городских крестьян. Обстоятельства дела представляются в следующем виде: вследствие указания Тобольской Казенной Палаты от 28 июля 1844 года за № 5975 о наделении березовских городских крестьян рыболовными угодьями, Березовский земский исправник, прибыв с депутатами в Кочегатские юрты, в которых кочевали родители просителей, предложил уступить половину Тегинской Оби, находящейся в районе Куноватской волости, березовским городским крестьянам для производства в зимнее время ловли рыбы. Инородцы на предложение березовского исправника согласились, в чем дали подписи, но с тем условием, чтобы березовские крестьяне разделили с ними повинность по земской гоньбе. В настоящее время просители заявляют, что березов-

---

¹⁾ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север. 1903 том 1 стр. 187.

ские городские крестьяне взятых на себя обязанностей по земской гоньбе не выполняют, а выделенные им 65 паев из рыболовных угодий сдают в аренду посторонним лицам. Кроме того, в их распоряжении находятся два песца—Мелексимский и Комарий, между тем как разросшееся с годами население инородцев, при пользовании только половиной рыболовных угодий на Мало-Тенинской Оби, отстоящей в 80 верстах от города Березова, терпит очень сильную нужду. Вследствие этого они просят отобрать от березовских городских крестьян выделенные когда то им рыболовные угодья в размере 65 паев и возвратить обратно инородцам. Тобольская Казенная Палата, рассмотрев это дело, не нашла достаточных оснований к удовлетворению ходатайства инородцев Кочегатских юрт и оставила его без последствий»¹⁾. Комментарии к этому документу излишни.

Факты эксплуатации и тяжелого экономического состояния национального населения были настолько ярки, что не скрывались даже царскими чиновниками. Х. Лопарев в своей книге «Самарово»²⁾ приводит высказывания одного путешественника, побывавшего в низовьях Иртыша в 70-х годах прошлого века, о том, что не имея средств для полного рыболовного обзаведения из-за высокой стоимости неводных материалов (стрежевой невод стоил в то время 1000 рублей, а малый 100 рублей), местное национальное население отдаст в аренду купцам-рыбпромшленникам свои рыболовные угодья за очень низкую цену. По Иртышу высшая арендная плата за песок редко достигала в то время 100—150 рублей. При этом вместе с угодьями в кабалу к купцу попадало и национальное население. Путешественник приводит факт, когда в Самаровской волости все пять песков находятся во владении одного виноторговца. У него на песках ловили рыбу наемные рабочие за плату в размере 15—20 рублей за лето, а местные жители обязывались добытую рыбу сдавать арендатору — торговцу за

¹⁾ А. А. Дунин-Горкавич. Север Тобольской губернии. 1897.

²⁾ Х. Лопарев. Самарово. Изд. 2. А. Н. СПС. 1896.

получаемые в долг хлеб, обувь, платье и водку, которые кстати сказать, отпускались торговцем обычно низкого качества и по повышенной стоимости.

Единственное спасение от эксплуатации—это объединение в артели, но местное население лишалось и этой возможности, т. к. обзаведение орудиями лова, неводниками и промысловыми сооружениями требовало крупных денежных средств, которых население вложить не могло. Стоимость рыбы такова: осетр 4—4 руб. 50 к. за пуд, стерлядь мерная 4—4 р. 50 коп., мерный налим до 1 р. 50 к., щука 40 к.—1 р., язь—1 р., окунь—1 р.—1 р. 20 к, чебак крупный—60 к., ёрш—20 к. Провоз рыбы с устья Иртыша до г. Тобольска в зимнее время стоит 35—50 коп. с пуда, до г. Ирбита¹⁾ 60—70 коп. Перевозка рыбы на рынок была не по силам почти безлошадному национальному населению. Лошадь по тому времени стоила 15—30 рублей.

Березовский окружной исправник В. Кондратович в своем отчете, помещенном в обзоре Березовского округа за 1890 г., пишет, что около 100 самых лучших рыболовных песков, расположенных на Оби, национальное население отдает в аренду местным и тобольским рыбопромышленникам за низкую плату—от 9 до 10 тысяч рублей за год. Арендаторы дозволяют местному населению заниматься на заарендованном участке добычей рыбы, но всегда с непременным условием, чтобы добытая рыба сдавалась исключительно арендатору по обусловленной цене, обыкновенно очень низкой. При подобных условиях, даже при хорошем улове рыбы, рыбак, кроме собственного пропитания, получал от 20 рублей до 30, а при неудачном улове даже менее 10 рублей. На заарендованных рыболовных песках рыбопромышленники содержали около 3000 рабочих, из числа которых половину составляли местные жители, а другая половина прибывала из города Тобольска. Рабочий за свой тяжелый 4-месячный труд за время летней и осенней рыбной ловли получал, кроме самой необходимой одежды и обуви, деньгами от 10 до 25 рублей, а в среднем 15 рублей. Так как на оплату ясака и др. повинностей с одного хозяйства требовалось от 6 до 7,5 руб-

---

¹⁾ Ирбитская ярмарка—знаменитая в то время ежегодная ярмарка.

ля в год, то на содержание семьи денег, получаемых от найма в работу, оставалось очень мало. Национальное население, попавшее к рыбопромышленникам в наем, неминуемо втягивалось в продолжительную кабалу и в неплатные долги. Вообще можно положительно утверждать, как заявляет исправник Кондратович, что по экономическому положению здешние инородцы пришли уже к крайнему обеднению. По собранным сведениям, на инородцах Котской волости числится частных долгов до 60000 рублей, казенный долг за муку по округу простирается до 44000 рублей. В настоящее время инородцы не в состоянии этих долгов оплатить и с большим трудом и усилием едва уплачивают ясак и возложенные на них повинности, и многие инородцы с трудом пропитывают свои семейства, в чем единственным подспорьем для них служит отпускаемый в долг казенный хлеб»,—так заканчивает свой отчет исправник.

Вот в общих чертах условия экономической жизни народностей ханты и манси в предреволюционный период.

Отсюда вывод: несмотря на отсутствие юридических прав на земельные и промысловые угодья, значительная и наиболее ценная часть их использовалась русскими купцами—промышленниками. Часть же принадлежала местным купцам, кулакам и шаманам, которые вместе с русскими промышленниками и купцами эксплуатировали основную массу национального населения. Это положение на фоне политического гнета царского самодержавия и создало тяжелое экономическое состояние национального населения.

Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, успешного осуществления Ленинской национальной политики и ликвидации кулацко-шаманского элемента уничтожено вековое неравенство в землепользовании ханты и манси. Старый порядок окончательно нарушен проведенным первоначальным земельно-водным устройством на всей территории Ханты-Мансийского округа в течение 1930—1934 гг. В соответствии с постановлением ВЦИК от 10 сентября 1930 года было ликвидировано вотчинное и родовое право на землю, изъяты от кулацко-шаманской группы лучшие и ближние угодья и переданы бедняцкой и середняцкой части насе-

ления, созданы предпосылки для широкого кооперирования населения, вызвав в последующие годы бурный рост коллективизации. При проведении первоначального земельно-водного устройства впервые выявлены и изучены естественные богатства округа и установлены по хозяйственно-экономическим признакам границы отдельных целостных административных районов, сельских Советов, простейших кооперативных и коллективных объединений и др. групп землепользователей. При этом окончательно ликвидирована спорность и неопределенность границ в землепользовании, урегулированы земельные отношения между местным трудовым национальным и русским населением. Вместе с этим, наряду с закреплением лучших и ближних угодий за колхозами, образована сеть государственных свободных фондов для последующей организации совхозов, чем созданы предпосылки к планомерному и разумному использованию естественных богатств. Усиление роли социалистических элементов создало условия к последующему переходу от низших форм простейших кооперативных и коллективных объединений к более высоким формам коллективных хозяйств. Отныне и навсегда земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними в бесплатное пользование, то есть навечно. Этот принцип вечности землепользования колхозов является конституционным принципом, он получил свое юридическое закрепление в Основном законе Советского государства—Конституции СССР (Ст. 8-я).

Правовое регулирование землепользования колхозов получило дальнейшее развитие в Уставе сельскохозяйственной артели, принятом II Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденном СНК СССР и ЦК ВКП(б) 17 февраля 1935 года. Устав сельскохозяйственной артели не только провозглашает закрепление за колхозами земли в пользовании навечно, но и обеспечивает права и защиту землепользования от каких-либо нарушений. Особо в этом отношении следует указать на постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», изданное 27 мая 1939 года, и постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», изданное 19 сентября 1946 года. Эти постановления сыгра-

ли огромную роль в борьбе за неуклонное соблюдение законности в области земельно-правовых отношений, в борьбе против извращения политики партии в области колхозного землепользования. Практически эти законоположения в колхозах округа осуществляются проведением углубленного землеустройства, направленным на дальнейшее организационно-хозяйственное укрепление колхозов и повышение материального благосостояния колхозников.

Нельзя не отметить, что разрушение векового порядка в землевладении и землепользовании ханты и манси, переход к социалистическому землепользованию и к сплошной коллективизации в округе осуществлены не быстро, не просто и далеко не мирно. Планомерное осуществление Ленинской национальной политики и организация борьбы за социалистическое переустройство промыслового хозяйства округа вызвали бешеное сопротивление кулацко-шаманского элемента. Не быстро уступили свои вековые права кулаки и шаманы. Нелегко было ликвидировать веками сложившееся влияние кулацко-шаманской верхушки на трудовое национальное население, в значительной своей части экономически зависимое от кулаков и шаманов. Требовались настойчивые усилия партийных и советских органов и смелая агитационно-разъяснительная работа местных работников, чтобы вырвать из-под кулацкого влияния, в первую очередь, батрацко-бедняцкую часть населения.

Классовая борьба в условиях глухой тайги и необъятной тундры была особенно острой. Кулаки и шаманы всячески старались сорвать мероприятия Советской власти, направленные на социалистическое переустройство Севера. Они прибегали к укрытию своих вотчинных земель, распускали всевозможные антисоветские слухи, грозили убийством как своих соплеменников, порывающих с ними, так и партийно-советских работников. Иногда удавалось приводить эти угрозы в исполнение. То там, то здесь вспыхивали террористические акты против активных проводников мероприятий Советской власти. Еще свежа в памяти трагическая смерть первых активистов коллективизации села Сартыньи Березовского района председателя туземного Рика--манси Сайнахова Радиона и заместителя председателя вновь организованного колхоза — коми Филиппова

Ивана, погибших в июне 1930 года при организации опромысливания колхозом богатой рыбой речки Яблынья (по-мансийски—святая речка), принадлежавшей местным кулакам Гоголевым. Незабываема трагедия, разыгравшаяся зимой 1933—34 гг в верховьях реки Казыма. Опромысливание озера Нум-то (по-ненецки—божье озеро), богатого ценной рыбой, состоявшего ранее в ведении шаманов Молдановых, в течение ряда лет было предметом столкновений с кулацко-шаманской верхушкой бассейна р. Казыма.

Предъявление в 1933 году населению землеустроительного проекта, предусматривавшего ликвидацию вотчинного порядка землепользования и закрепление промысловых угодий на новых началах за трудовым национальным населением, встретило также ожесточенное сопротивление со стороны кулацко-шаманской части Казыма. Лишь весной 1934 года после ликвидации кулацко-шаманской верхушки землеустроительный проект был активно и всесторонне обсужден и одобрен батрацко-бедняцкой и середняцкой частью населения, вставшей на путь создания простейших производственных коллективных объединений. К концу 1934 года объединение единоличных хозяйств Казымской части и в целом Березовского района в простейшие коллективные объединения было, в основном, завершено.

Однако, общественное землепользование национальных колхозов сложилось не сразу. Для объединения разрозненных земельных участков оленепастбищных, охотопромысловых и рыболовных угодий индивидуального пользования потребовалось продолжительное время. Кочевой и полукочевой образ жизни, в связи с этим территориальная разобщенность национальных хозяйств, боязнь ответственности перед кулаком и шаманом за использование ранее принадлежавших им вотчинных земель, продолжительное время препятствовали сверстанию земель в единый колхозный массив. Так долгое время колхозные пастушеские бригады избегали занимать оленепастбища кулака Молдана Кирилла в водоразделе рек Казыма, Пима и Тром-Агана. Создаваемые колхозные бригады рыбаков, охотников, пастухов первое время недопонимали своих прав на использование тех или иных угодий в интересах общественного хозяйства. Названия отдельных урочищ, рыболовных угодий, охотничьих участков (по-местному «тесов»)

и сейчас еще сохраняются по имени своих прежних владельцев, вот до чего крепки в сознании национала вековые принципы землевладения. Лишь переход к оседлому образу жизни национальных хозяйств, начавшийся в округе с 1939 года, положил начало устойчивого землепользования национальных колхозов и полного использования естественных богатств округа в интересах развития общественного хозяйства колхозов.

В настоящее время за колхозами округа закреплено в бессрочное пользование около одного миллиона гектаров земель сельскохозяйственного назначения, кроме того в порядке долгосрочного пользования за ними закреплено свыше двенадцати миллионов гектаров оленепастбищных угодий и свыше 40 миллионов га охотпромысловых угодий.

Наряду с этим проведены большие землеустроительные работы в связи с оседанием и сселением национального населения. К концу 1934 года коллективизация единоличных национальных хозяйств в округе была в основном закончена, а к 1940 году созданные простейшие кооперативные и промысловые объединения перешли на более высшую форму коллективного хозяйства (в основном на устав рыболовецкой артели), но часть национального населения продолжала вести кочевой и полукочевой образ жизни, живя разобщенно на больших расстояниях друг от друга. Так, в 76 национальных колхозах, население которых вело кочевой и полукочевой образ жизни, было по тому времени свыше 650 населенных пунктов. Понятие «населенный пункт» было условное. Например, в рыбартели им. Калинина Сургутского района было 64 хозяйства, а населенных пунктов насчитывалось около 50, причем все эти хозяйства жили в бассейне р. Пима на площади в два миллиона гектаров. Такое же положение было и в бассейне рек Вах, Аган, Тром-Аган, Назым, Қазым, Малой и Большой Сосьвы. Территориальная разобщенность членов колхозов на десятки и сотни километров друг от друга создавала большие трудности, а нередко и исключала возможность решения задач по развитию общественного хозяйства артели, повышению производительности труда и вовлечению в коллективный труд вторых членов семей.

Кочевой и полукочевой образ жизни стал серьезным-

тормозом в развитии хозяйства и приобщении национального населения к активной производственной и культурной деятельности, поэтому перевод на оседлость национального населения стал одной из первостепенных задач округа. В результате проведенных землеустроительных работ создано 55 новых хозяйственных центров колхозов, переходящих на оседлость, с отводом необходимых площадей оленепастбищных, охотпромысловых и сельскохозяйственных угодий.

При огромной заботе и помощи, оказываемой партией и правительством национальному населению округа, неузнаваемо меняется его экономика и культура.

В новых поселках оседающих и селящихся колхозов построены и продолжают строиться жилые дома колхозников, бытовые и культурно-социальные объекты: бани, магазины, школы, медицинские пункты и больницы, детские учреждения, клубы, радиоузлы и т. д. Если национальное население ранее занималось только рыбной ловлей, охотой и оленеводством, то сейчас в колхозах успешно внедряются новые отрасли хозяйства: домашнее животноводство, звероводство, огородничество. Почти у каждого дома колхозника разрабатывается индивидуальный огород с посевами картофеля и овощей. Приобретаются в личную собственность хозяйств коровы и прочий домашний скот. В общественном пользовании колхозов появились флот, тракторы, пилорамы, электростанции. Растет производительность общественного труда и производственная активность еще вчерашних кочевников.

Многое сделано и по внедрению культуры в быт национального населения. Уходят в безвозвратное прошлое дымные, прокопченные чумы и бревенчатые юрты, антисанитария, социальные болезни, безграмотность.

Вместе с советским народом под руководством партии и правительства национальное население округа неуклонно идет по пути к более успешному росту общественного производства колхозов и, на основе этого, к дальнейшему подъему своего благосостояния.

Использованная литература

1. Грамота Екатерины II от 14 января 1768 года Куноватской волости князю Якову Артанзиеву о подтверждении жалованной грамоты, выданной его прапрадеду князю Лугую (фонды Тобольского музея).

2. Жалованная грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей князю г. Березова Юзору Райдукову об управлении им Казымской волостью и о порядке сбора ясака, данная 28 декабря 1692 г. (фонды Тобольского музея).

3. Материалы первоначального земельно-водного устройства Ханты-Мансийского округа 1930—34 гг. (Фонды окр. управления сельского хозяйства).

4. Материалы землеустройства Ханты-Мансийского округа (фонды окр. управления сельского хозяйства).

5. Абрамов Н. А.—Описание Березовского края. Записки императорского русского географического общества 1857 г.

6. Бахрушин С. В.—Остяцкие и вогульские княжества в XVI и XVII веках. Издание Института Народов Севера, г. Ленинград, 1935 г.

7. Бударин М. Е.—Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омское обл. гос. издательство, 1952 г.

8. Буцинский П.—К истории Сибири: Сургут, Нарым. и Кетск. Харьков. 1893 г.

9. Возрожденный народ. К 10-летию образования Ханты-Мансийского национального округа, Омское обл. гос. издательство, 1941 год.

10. Головин П.—Кондинский Троицкий монастырь. Тобольские Епархиальные ведомости за 1892 г. №№ 1 и 2, 3 и 4, 5 и 6. г. Тобольск (фонды Ханты-Мансийского окр. музея).

11. Дунин-Горкавич А. А.—Север Тобольской губернии. Ежегодник Тобольского губернского музея. Выпуск VIII. 1897 год.

12. Дунин-Горкавич А. А. Сургутские остяки. Доклад в Тобольском музее в 1901 г. (фонды Тобольского музея).

13. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Том 1-й С. Петербург. 1903 г. и том II-й. Тобольск. 1910 г.

14. Ежегодник Тобольского гос. музея за 1905 год. Тобольск. (фонды Ханты-Мансийского окр. музея).

15. Зуев В. Ф.—Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). Издательство Академии наук СССР. Ленинград—Москва. 1947 г.

16. Лопарев Х. Самарово. Издание 2-е. Санктпетербург. Типография Академии Наук 1896 год.

17. Тобольские Епархиальные ведомости за 1883, 1892, 1896 и 1911 гг. (фонды Тобольского и Ханты-Мансийского музеев).

Н. И. ЧЕСНОКОВ — заведующий
Ханты-Мансийским опорным
пунктом Всесоюзного научно-
исследовательского института
животного сырья и пушнины
Центросоюза

СОБОЛЬ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Одним из важных видов пушных зверей Ханты-Мансийского округа является соболь. мех соболя отличается особой пышностью и красотой и пользуется большим спросом. На международном пушном рынке шкурки соболя в настоящее время ценятся значительно дороже шкурок серебристо-черных лисиц. Как объект охотничьего хозяйства соболь обладает рядом полезных биологических свойств, обеспечивающих ему высокую жизнестойкость по отношению к неблагоприятным воздействиям внешней среды. Соболь потребляет широкий набор кормов как животных, так и растительных, и не голодает даже в неблагоприятные годы. У соболя почти нет врагов среди животного населения, которые сколько-нибудь существенно уменьшали бы его численность. Соболь мало подвержен заболеваниям. Он живет оседло, не предпринимая широких кочевок. Численность соболя не имеет больших колебаний по годам. Таким образом, соболь является одним из немногих видов, создающих прочную, устойчивую сырьевую базу охотничьего хозяйства.

Соболь — юркий хищный зверек размером меньше домашней кошки. Окраска меха может быть самой различной: от светлой песчано-желтой до темно-коричневой. По пушному стандарту шкурки соболей, населяющих территорию Ханты-Мансийского округа, относятся к енисейскому и тобольскому кряжам.

Соболь — таежный зверек. Он обитает преимущественно в хвойных лесах, предпочитая насаждения из ели, кедра, пихты, обладающие наилучшими кормовыми и защитными условиями.

По роду питания соболь принадлежит к всеядным животным. В списке его кормов насчитывается до 150 названий животной и растительной пищи. Главнейшими кор-

мами являются мышевидные грызуны, кедровые орехи, птицы, ягоды.

Размножается соболь один раз в год. Детеныши появляются весной, в помете от 2 до 4 соболят, редко 5—6. Молодые становятся половозрелыми на втором году жизни.

В лесах юго-западной части округа наряду с соболем встречается куница, являющаяся близким родичем соболя. Между ними образуется помесь—кидус. Кидус не представляет хозяйственной ценности для охотничьего хозяйства.

Соболь—коренной обитатель сибирских лесов. В прошлом он был широко распространен по Сибирской тайге от южных границ леса до тундры и имел главенствующее значение в пушном промысле. Пушнина, в особенности собольи шкурки, издавна стала служить предметом торговли племен, населяющих Югру (куда входила территория Ханты-Мансийского округа), с монголами, персами, славянами. С XI века за Урал стали проникать новгородские купцы, привлекаемые туда обилием и дешевизной «мягкой рухляди». О пушных богатствах зауральских земель слагались тогда целые легенды. «Старые люди, ходившие в Югорскую и Самоядскую земли, видели в тех странах, как из туч сыпались белки и олени, вырастали и растекались по земле»—повествует одна из новгородских летописей XII века. За Урал стали посылаться воинские отряды для покорения местных племен. После присоединения Сибири к Русскому государству местные народности облагаются тяжелым налогом—ясаком, взимаемым ценной пушиной. Сибирь стала основным поставщиком пушнины для Московского государства. Экономическое значение пушнины—«мягкой рухляди»—в то время было очень велико. Пушные, преимущественно собольи, шкурки исполняли роль денег («куны»); из собольих мехов изготовлялись одежды коронованных особ и высших вельмож; подарки собольих шкурок при дипломатических сношениях решали вопросы в благоприятную сторону.

Экспорт пушнины являлся важной статьей государственного дохода. О размерах налагаемого на Западную Сибирь ясака свидетельствует один из ясачных документов: «В 1586 году московский государь наложил ясаку

на Сибирское царство, на Конду Большую, и на Конду Меньшую, и на Пелымское государство, на Туру, и на Иртышское государство, и на Обь Великую, и на все городки обские 200000 соболей, 10000 лисиц черных и 500.000 белок...». Громадные цифры ежегодной добычи соболя, обусловленные высокой нормой ясака и различными поборами алчных воевод и служилых людей, быстро подрывали запасы соболя. Оскудение угодий соболем стало ощущаться уже в том же XVI веке. Так, в 1596 году «кондинские мурзы и сотники и все ясашные люди» подали челобитную о том, что им непосильно платить ясак в размере 37 сороков соболей с Большой Конды и 17 сороков и 25 соболей—с Малой Конды. Уменьшение численности соболя шло прогрессирующими темпами. Царское правительство вынуждено было в 1609 году снизить ясак с 10 до 7 соболей «с лука». А некоторое время спустя вогулы (манси) вновь «бьют челом» о снижении ясака до 5 соболей с человека, т. к. больше они не могли уже добывать. Былое изобилие соболей быстро уходило в прошлое. Если в XVI—XVIII веках соболь занимал в пушной продукции Российской империи первое место, то в конце XIX века он составил только 35—40 процентов общей стоимости заготавливаемой пушнины.

К началу XX века соболь в доступных и освоенных местах был полностью истреблен. Некогда сплошной ареал¹⁾ соболя разделился на отдельные пятна, занимающие глухие, малодоступные места. В Ханты-Мансийском округе соболь был почти повсеместно истреблен во второй половине XIX века. К началу XX века незначительное количество соболей сохранилось лишь на небольшом участке водораздела рр. Конды и Малой Сосьвы; единичные особи уцелели также в верховьях рек Салыма и Югана.

Угодья Кондо-Сосьвинского водораздела использовались в то время несколькими семьями местных охотников, владевших ими на основе родового права. Родовые охотничьи участки достигали размеров до 1000 и более кв. км. на одну семью и, вполне понятно, не опромысливались полностью. Кроме того, там имелись своеобразные заказники—«святые места», где охота запрещалась

¹⁾ Ареал— район распространения.

шаманами. На водораздел, в связи с отдаленностью и препятствиями, возникающими из наличия туземного родового права на уголья, до поры до времени не проникали посторонние промысловики. Все это, вместе взятое, явилось причиной сохранения на Кондо-Сосьвинском водоразделе промысловой плотности соболей, в то время как в других местах округа соболь был выбит. Промысел местных охотников за хороший по промысловым условиям сезон давал по 20—40 соболей на человека. Но уже к 1913 году запасы соболя и в этом глухом месте были подорваны. В 1911 году артель русских промысловиков в количестве 7 человек, подпоив местных охотников и заплатив им «кортому» (арендную плату) за уголья, получила право охотиться в лучших соболиных местах по реке Малой Сосьве. Артель промышляла два с половиной сезона и увезла около 1000 соболей. После этого местные охотники стали добывать там не по 20—40, а по 3—5, в лучшем случае до 10 соболей за сезон на человека. Этот случай является характерным фактом, показывающим, насколько быстро можно подорвать численность соболя хищнической охотой.

В 1913 году по требованию передовых ученых-натуралистов, обеспокоенных судьбой исчезающего соболя, царское правительство издало закон «Об установлении ограничительных по охоте на соболя мер», которым вводился трехлетний запрет промысла соболя. Однако в связи с противодействием скупщиков пушнины, малосознательностью охотников и отсутствием контроля закон не соблюдался, и истребление соболя продолжалось. И только в период гражданской войны значительно ослабился пресс промысловой охоты на соболя. За это время численность соболей на Кондо-Сосьвинском водоразделе несколько увеличилась. Но после окончания гражданской войны соболь вновь оказался под угрозой полного истребления.

Если в 1911—13 гг. небольшая артель пришлых промысловиков значительно сократила численность соболей на водоразделе, то что остается сказать о 20-х годах, когда исчезли причины, ограничивающие допуск в уголья охотников из других мест. Революция отменила родовое

право на охотугодья. Не нужно стало платить «кортому» и спаивать местных охотников. Район истоков Конды и Сосьвы, где в результате запуска, вызванного гражданской войной, численность соболей возросла, прослыл «непочатым краем». Туда устремились промысловики с Урала, Печоры, Иртыша, Вась-Югана и других мест. Они не стеснялись ни сроками, ни правилами охоты. Наплыв пришлых охотников и хищнический характер промысла грозили полным уничтожением соболя и в этом районе, где соболь держался дольше всего. Для его сохранения требовалось проведение срочных и энергичных мер.

В 1926 году постановлением Тобольского окрисполкома был объявлен запрет промысла соболя сроком на 5 лет и приняты дополнительные меры по охране соболя—передача угодий Кондо-Сосьвинского водораздела в бесплатную аренду местному населению без права допуска на эти угодья пришлых охотников. Следующим и очень важным шагом было создание Кондо-Сосьвинского заповедника (1929г.). Заповедник сыграл большую роль в сохранении и восстановлении запасов соболя в нашем округе. Буквально через несколько лет размножившиеся на заповедной территории соболи начали расселяться в окружающие угодья.

В 1931 году истек срок запрета на добычу соболя. Неограниченная охота в течение трех последующих сезонов вновь подорвала запасы ценного зверька, в связи с чем в 1935 году был объявлен новый запрет промысла соболя на 5 лет. Опыт промысла между запретами показал, что соболь не выдерживает неограниченной охоты; это было учтено при открытии охоты в 1941 году. Цифры добычи стали строго лимитироваться, были запрещены некоторые истребительные способы и сокращены сроки промысла. Подобные ограничения явились большим прогрессом по сравнению с бесконтрольной охотой. Еще более важным мероприятием явилось введение лицензионной системы промысла в 1946 году.

К моменту первого запрета (1926 год) ареал соболя в Ханты-Мансийском округе имел самые минимальные размеры и состоял из небольшого пятнышка на Кондо-Сосьвинском водоразделе, где насчитывалось 30—40 со-

болей. В бассейнах рек Салыма и Югана уцелели, вероятно, лишь единичные особи. На правобережье Оби соболи были истреблены полностью еще в XIX веке. За годы пятилетнего запрета соболь значительно расширил территорию обитания. К 1931 году ясно обозначились два очага обитания соболей: кондо-сосьвинский и салымо-юганский. Первый из них расширил свои границы за пределы заповедника настолько, что образовалась промысловая зона вокруг заповедника площадью около 25000 кв. км., где проводился весь промысел соболя. Салымо-юганская популяция¹⁾ еще не имела промысловой плотности. К 1941 году, когда кончился второй запрет промысла соболя, кондо-сосьвинская популяция охватывала территорию на север почти до границы Березовского района с Ямало-Ненецким округом, а на юг — до Тобольского района. Значительно расширился ареал салымо-юганской популяции.

В настоящее время соболь занимает западную и южную части территории округа на левобережье Оби. Ареал соболя состоит из двух участков: кондо-сосьвинского, занимающего бассейны рек Северной Сосьвы и Конды за исключением их нижних течений, и салымо-юганского, охватывающего бассейны рек Салыма и Югана. На правобережье Оби местного соболя нет, если не считать единичных особей, встречающихся в низовьях р. Казыма и по р. Назыму.

Общая площадь ареала соболя в округе составляет около 220 тыс. кв. км. В состав этой площади входят необитаемые сободем болота, занимающие примерно 50 процентов территории.

Плотность обитания по ареалу неодинакова. Наибольшая плотность на единицу площади наблюдается на участках темно-хвойных угодий с преобладанием кедра, расположенных в глубине ареала и плохо осваиваемых. По материалам учетных работ, проводимых охотинспекцией и охотхозяйствами, высокая плотность (выше 1,5 соболя на 1000 га) отмечается в верховьях р. р. М. Сосьвы и Конды и на водоразделе между ними. Эта территория, имеющая наилучшие условия для обитания соболей, яви-

---

¹⁾ Популяция — совокупность особей одного вида, занимающая обособленную часть ареала.

лась «районом переживания» в период интенсивного истребления соболя. Хорошая плотность наблюдается также на водоразделе Иртыша и Салыма, где расположены высококачественные соболиные угодья. Низкая плотность отмечается на краях ареала.

В настоящее время соболь является таким же обычным видом охотничьей фауны, как белка, лисица, горностай и др. Благодаря мерам охраны и регулированию промысла, как бы возвращены времена того сказочного «многособоля», когда охотник добывал за охотничий сезон 20—30 соболей. Теперь не редкостью считается добыча 30—40 соболиных шкурок, а отдельные передовики-соболевщики добывают до 50 и более соболей за охотсезон. Например, в сезоне 1956—1957 г.г. лучшие охотники Шухтунгортской ПОС Собянин З. Г. и Куприянов В. А. отловили: первый—68, а второй—58 соболей. Соболю прочно занял важное место в охотничьем промысле.

В 30-х годах, когда промысловые запасы соболя стали восстанавливаться, в районах соболиного промысла была создана сеть производственно-охотничьих станций (ПОС). Зона вокруг Кондо-Сосьвинского заповедника была прислана Шухтунгортской, Тимко-Паульской и Супринской производственно-охотничьим станциям. В последующие годы в бассейне Югана была организована Тауровская ПОС, а по р. Салыму—Салымское промыслово-охотничье хозяйство. Целью создания производственно-охотничьих станций и промыслово-охотничьих хозяйств ставилось правильное ведение охотничьего хозяйства и организация рационального охотничьего промысла.

Пока промысловое население не было объединено в колхозы, ПОС имели большое значение как организаторы охотничьего промысла. С появлением и укреплением колхозов ПОС постепенно потеряли свою роль и превратились в заурядные заготовительные пункты по приемке пушнины. В последние годы, в связи с закреплением охотничьих угодий за колхозами, ПОС окончательно утратили форму охотничьих хозяйств, т. к. были лишены приспанной ранее территории охотничьих угодий. В 1956 году, после передачи функций заготовок пушнины систе-

ме потребкооперации, почти все ПОС и промыслово-охотничьи хозяйства были ликвидированы. Однако колхозы, получив в пользование большие площади охотничьих угодий, не уделяют должного внимания развитию колхозного охотничьего хозяйства из-за недостатка рабочей силы и загруженности другими отраслями хозяйства. В результате громадные территории охотничьих угодий осваиваются не полностью, в особенности глубинные, отдаленные участки. В связи с этим в последние годы возник вопрос о создании промыслово-охотничьих хозяйств для опромысливания отдаленных угодий, не осваиваемых колхозами. По решению Правительства РСФСР в 1957 году восстановлена деятельность большинства ранее существовавших хозяйств. Ныне хозяйства организуются на совершенно новой основе. Они будут самостоятельными хозрасчетными предприятиями с закрепленной территорией охотугодий и штатом промысловиков.

В 1958 году в районах промысла соболя на базе ранее существовавших Шухтунгортской ПОС, Супринской ПОС и Салымского промхотхозяйства создаются три комплексных промхоза, которые будут оснащены передовой механизированной техникой. В центре кондо-сосьвинской популяции соболей организуется Шухтунгортский промхоз, который будет вести охотничье хозяйство на территории бывшей Шухтунгортской ПОС и северной части бывшего госзаповедника. К нему с юга примыкает Супринский промхоз. В бассейне реки Салыма будет осуществлять свою деятельность Салымский промхоз. Во всех перечисленных промхозах соболю является ведущим видом охотничьего промысла, занимая до 80—90 процентов общего объема пушных заготовок.

Пока еще не укомплектованы штаты промысловиков охотхозяйств, промысел соболя проводится в основном силами охотников-колхозников. В зависимости от наличия транспорта, расположения соболиных угодий, времени освобождения охотников от других колхозных работ в проведении промысла соболя по районам округа имеются различия.

В Березовском районе охотники снабжаются оленьим транспортом. С приходом оленей с летних тундровых пастбищ охотник получает упряжку, погружает на нарту запас

продуктов, орудия лова и снаряжение и отправляется на промысел, часто за сотни километров от жилья. Опромыслив уголья в одном месте, охотник перекочевывает в другое. Большая подвижность при наличии оленьего транспорта обеспечивает использование отдаленных уголдий.

Иначе обстоит дело в Кондинском районе. Соболиные уголья с высокой плотностью зверя находятся здесь за многие сотни километров от деревень в верховьях реки Конды и ее притоков. Оленеводство в районе совершенно отсутствует. Охотникам требуется до ледостава водным путем забросить в охотуголья снаряжение и продукты. Так, например, охотник Лушников Г. Д. из с. Шаима заезжает по реке в урман за 600 км, охотник Чередняков из д. Сотник—за 900 км. Но многие колхозные охотники имеют возможность выйти на промысел только после ледостава, следовательно, не могут забросить в глубинку снаряжение и остаются промыслять в ближних угольях. Позднее выделение охотников на промысел является одной из главных причин слабого освоения отдаленных уголдий, богатых соболем.

Почти так же обстоит дело в Сургутском районе. Салымские охотники промысляют белку и соболя вблизи деревень, уходя в лес на 3—5 дней. После опромысливания близлежащих уголдий промысловики уходят в тайгу за 30—50 км до ближайших охотизбушек. С этого времени промысел проводится на одном месте, вокруг охотничьих избушек. В связи с нехваткой охотизбушек в них зачастую помещается по 2—3 человека, которые перепромысливают прилегающие уголья, в то время как более отдаленные участки совсем не используются. По реке Югану положение несколько лучше, т. к. имеет место развитие приизбенного оленеводства.

Расстановка охотников по участкам и закрепление участков уголдий за промысловиками, как правило, отсутствуют, что порождает неравномерное использование уголдий и препятствует внедрению рациональных методов промысла. Все эти организационные недостатки должны устраниться с развертыванием деятельности промыслово-охотничьих хозяйств.

Применение современной транспортной техники промысловиками (мелкосидящих катеров, тракторов, вездеходов,

и, возможно, авиации) позволит разрешить проблему полного освоения отдельных угодий. Не должно быть упущено из внимания также применение и развитие местных видов транспорта (оленьего и конного).

На промысле соболя применяются в основном следующие способы добычи зверя: ружейная охота с собакой-лайкой, капканый лов, промысел кулемками, охота с обметом.

Промысел ружьем с помощью собаки-лайки производится преимущественно в начале охотничьего сезона, пока не установится глубокий снеговой покров, препятствующий работе собаки. Успешность охоты во многом зависит от рабочих качеств лайки. Собака должна быть послушной, чуткой, вязкой к зверю, выносливой. Она не должна отвлекаться на другие, неинтересующие охотника, виды зверей. В районах соболиного промысла выработался специализированный тип лайки-соболятницы, удовлетворяющий всем требованиям, которые необходимы для промысла соболя. Собак, хороших соболятниц, в общей массе лаек сравнительно немного в связи с заброшенностью племенной работы по собаководству. Процесс охоты ружьем с собакой заключается в том, что лайка ищет свежий след соболя, пускается по нему, иногда нагоняет соболя и душит, но чаще загоняет на дерево, откуда подошедший охотник снимает его выстрелом. Производительность труда при этом способе охоты в начальный период промысла при наличии хорошей собаки бывает очень высокой. Известны случаи добычи по 5—6 соболей в день. Ружейный промысел занимает первое место среди применяемых способов охоты, в некоторых районах округа на него приходится до 9/10 добычи соболей.

При установлении глубокого снегового покрова промысловики переходят на капканый лов соболя. Охотник расставляет до 50—60 капканов, которые проверяются через 2—3 дня. Капканый промысел—трудоемкое дело, требующее мастерства. Умелая постановка и хорошая маскировка капкана решает успех добычи. Капканами добывается в округе 25—30 процентов собожьих шкурок.

Промысел стационарными опадными самоловами-кулемками применяется мало, хотя в прежнее время имел

широкое распространение. Причиной заброшенности кулемного промысла является обезличка охотничьих угодий и текучесть охотничьих кадров, в связи с чем у охотников нет заинтересованности в устройстве путиков с кулемками. При промысле соболя кулемками один охотник может обслужить до 200 самолетов. Кулемки размещаются на охотничьей тропе—путике через 200—1000 м. одна от другой, в зависимости от характера угодий и численности соболей. Путик сбходится охотником через 3—5 дней. Кулемки более добычливы в годы с низкой обеспеченностью кормами, когда соболь идет к наживе более охотно. В качестве наживы применяется мясо боровой дичи, зайца, белки. Кулемный промысел дает не более 6 процентов добычи соболей по округу.

Лов соболя сеткой—обметом имеет малое применение. Обметом добывается не более 4 процентов общей добычи собольих шкурок в округе.

Удельный вес того или иного способа промысла колеблется по годам в зависимости от обстановки, сопутствующей промыслу, в первую очередь от метеорологических условий, но неизменно на первом месте стоит ружейная охота, на втором—капканный лов.

Передовые охотники применяют комбинированный метод промысла, сочетая одновременно несколько способов охоты. Это дает возможность уплотнить рабочий день и производительно использовать сезон охоты. Передовые охотники, комбинируя ружейную охоту с капканным и кулемным промыслом, добывают за сезон до 50 и больше соболей. Заработок лучших охотников-соболятников составляет за сезон 9—12 тысяч рублей.

Однако преобладающая часть охотников по соболю имеет низкие показатели добычи. Не более 10 шкурок на человека за сезон добывают 70 процентов охотников, от 10 до 20 шкурок—18 процентов, от 20—30 соболей—10 процентов охотников, и только 2 процента промысловиков добывают свыше 30 шкурок на человека. Низкая производительность труда большинства охотников объясняется как недостаточной квалификацией, так и не полным использованием рабочего времени промыслового сезона. Обучение охотников рациональным методам про-

мысла и улучшение организации их труда вскрывает большие резервы для увеличения добычи ценной пушнины. В решении вопросов организации труда, обучения охотников и внедрения передового опыта важную роль должны играть промыслово-охотничьи хозяйства.

В настоящее время округ ежегодно дает около 4000 соболиных шкурок. Исходя из имеющихся данных о численности поголовья соболей, эта цифра может быть увеличена примерно в два раза без ущерба основному стаду за счет более полного использования запасов соболя. Сейчас удельный вес соболя в заготовках промысловой пушнины составляет 10—12 процентов. В будущем экономическая эффективность соболиного промысла возрастет за счет увеличения численности соболя в результате искусственного расселения и повышения качества шкурковой продукции в связи с акклиматизацией ценных баргузинских соболей.

Шкурковая продукция соболей, обитающих на территории Ханты-Мансийского округа и принадлежащих к тобольскому подвиду, имеет невысокие меховые качества сравнительно со шкурками соболей из других районов Сибири. Меховые качества собольих шкурок определяются интенсивностью окраски и мягкостью волоса. Наиболее ценными считаются соболи Восточной Сибири, обладающие темным и мягким мехом. Соболи Обского Севера имеют более светлую окраску и грубоватый мех. Темных шкурок среди них ранее не встречалось, за редким исключением. Однако за последние 15—20 лет наблюдается заметное улучшение меховых качеств соболей Обского Севера. Проф. Б. А. Кузнецов¹⁾ дает следующее распределение по цветовым группам поступивших в 1931—1932 г.г. на пушные базы шкурок соболей Обского Севера: полутемных (воротовых)—42 процента, светлых (меховых)—58 процентов; все 100 процентов шкурок прошли тобольским кряжем. Анализ актов Омской пушной базы за 1954 и 1955 г.г. на приемку соболей из Тюменской области дает следующие результаты (количество принятых шкурок 6810): темных (головка и подголовка)—1,9 про-

---

¹⁾ Кузнецов Б. А. «Качественные показатели пушномехового сырья СССР». М., 1934 г.

цента, полутемных—65,9 процента, светлых—32,2 процента; тобольским кряжем принято 13,5 процента, енисейским—86,5 процента собольих шкурок. Как видим из сравнения цифр, за 23 года значительно уменьшилось количество светлых шкурок, соответственно увеличилось количество полутемных и появилось около 2 процентов темных шкурок. Одновременно произошло улучшение мягкости волосяного покрова, о чем свидетельствует отнесение преобладающего количества шкурок к более дорогому енисейскому кряжу.

Чем объясняется этот интересный факт естественного улучшения меховых качеств соболя?

Некоторые считают, что причиной является изменение правки шкурок соболя. Раньше шкурки правились под тобольский кряж (длинная и узкая правка), теперь стали правиться под енисейский кряж (короче и шире). Укорочение правки несколько увеличивает пышность, но мягкость волоса и цвет правка изменить не может.

Другие считают причиной улучшения меховых качеств местного соболя влияние выпущенных в соседних областях баргузинских соболей. Но улучшение меховых качеств соболя стало заметным, когда еще не проводилось широкого расселения темных восточных соболей.

По нашему мнению, улучшение меховых качеств соболей связано с биологическими особенностями популяции и с характером эксплуатации поголовья.

Давно замечено, что в темно-хвойных кедрово-еловых лесах добываются более темные соболи, нежели в светло-хвойных, разреженных насаждениях. Раевский¹⁾ указывает, что охотники хорошо различают «черного» соболя больших кедрово-еловых урманов от светлого «соснового» соболя. Воздействие внешней среды сказывается на соболе в том, что в наилучших угожьях, имеющих хорошие условия обитания, появляются темные зверьки, а в худших угожьях, не имеющих оптимума условий обитания, будут светлые особи. В период интенсивного истребления в первую очередь были выбиты соболи в доступных разреженных насаждениях, т. е. светлые экземпляры, а уцелели

¹⁾ В. В. Раевский «Жизнь кондо-сосьвинского соболя». М. 1947 г.

лишь зверьки в труднодоступной центральной части ареала, «в районе переживания», обладающем наилучшими условиями обитания и занятом, следовательно, темными особями. В дальнейшем, при запрете охоты, эти оставшиеся темные соболи выступили как племенное ядро. При промысле угодий на краю ареала соболей обитающие в них светлые особи отстреливаются почти полностью, их место занимают расселяющиеся более темные особи из центра ареала. Перечисленные причины вызывают увеличение процента темных соболей в популяции. Но этот процесс идет сравнительно медленно. Более целесообразно искусственно улучшить качественное состояние соболей путем акклиматизации темных восточных подвидов соболя. Эта работа уже проводится в округе.

Для расселения баргузинских соболей была избрана территория правобережья Оби, где соболь некогда обитал, но был истреблен. Сейчас там основным промысловым видом является белка, численность которой по годам испытывает большие колебания. В годы неурожая белки резко уменьшаются доходы промыслового населения. Заселение угодий правобережья соболем имеет целью создать там прочную сырьевую базу охотничьего промысла. Первый выпуск завезенных из Иркутской области соболей в количестве 112 голов произведен весной 1952 года на территории Корликовского с. совета Ларьякского района. Обследованием результатов выпуска установлено, что баргузинские соболи осели в местах выпуска и за один период размножения увеличили численность почти на 100 процентов. Это доказывает, что расселение восточных соболей в условиях округа является перспективным мероприятием. Второй выпуск сделан в Полноватском с. совете Березовского района в 1954 г. в количестве 100 голов. Следующие четыре выпуска произведены на территории Аганского с. совета Сургутского района и Колек - Еганского с. совета Ларьякского района. Последний, седьмой по счету, выпуск баргузинских соболей сделан в марте 1958 года на территории Октябрьского района.

Всего с 1952 года по 1958 год в округ завезено и выпущено в охотничьи угодья правобережья Оби 722 баргузинских соболя, на что затрачено свыше 2 млн. рублей. Таким образом, создано мощное ядро для создания чи-

стой популяции баргузинского соболя в северо-восточной части округа. Эта часть территории изолирована от ареала местного соболя широкой поймой реки Оби, которая будет препятствовать смешению баргузинских соболей с местными.

У некоторых работников охотничьего хозяйства есть опасения, что темный баргузинский соболь в новых условиях обитания, отличающихся от условий горной тайги Восточной Сибири, может потерять свои ценные меховые качества. В этой связи следует отметить, что научными исследованиями, проведенными лауреатом Сталинской премии проф. П. А. Мантейфелем¹⁾, установлена высокая устойчивость такого качества баргузинского соболя, как окраска шкурки. Это положение подтверждается опытом акклиматизации баргузинских соболей в соседней Томской области.

Северная часть Томской области, где акклиматизированы баргузинские соболя, граничит с Ханты-Мансийским округом и имеет сходные с ним условия. Акклиматизация баргузинского соболя начата там с 1940 года. Сейчас уже производится добыча соболей. Первый пробный отлов был проведен в 1952 году в количестве 50 голов. Качество шкурок определялось комиссией специалистов с участием проф. Мантейфеля. Из 50 шкурок 49 определено баргузинским кряжем, 1 шкурка оказалась принадлежащей кидусу. Общее заключение комиссии по 49 шкуркам очень хорошее. Двенадцать лет пребывания баргузинского соболя в равнинной заболоченной Нарымской тайге не сказались отрицательно на качестве его шкурок.

В 1955 году в Томской области было отловлено 230 соболей, из них отобрано для расселения 114 голов, а 116 отбраковано на шкурку. Из 116 шкурок баргузинским кряжем прошло 114 и только 2—тобольским (следует учесть, что акклиматизация баргузинских соболей проводилась при наличии в угодьях некоторого количества местных соболей).

Таким образом, заметного изменения качеств баргузинского соболя в условиях Западно-Сибирской тайги за период 12—15 лет не произошло.

¹⁾ П. А. Мантейфель «Соболь» М.-Л., 1934 г.

Кроме заселения пустующих угодий сободем, на увеличение его численности будут положительно влиять биотехнические мероприятия, направленные на повышение плотности соболя на единицу площади угодий. К таким мероприятиям относятся обогащение кормовой базы, борьба с врагами соболя, улучшение гнездовых и защитных условий в угодьях. Обогащение кормовой базы заключается в работах по содействию росту численности боровой дичи путем отстрела ее наземных и пернатых врагов, по привлечению мышевидных грызунов в соболиные угодья путем устройства шалашиков с запасами сена, по охране кедровых насаждений от порубки и пожаров, по организации подкормки соболей в малокормные годы. Хотя врагов у соболя немного, но все же они наносят какой-то ущерб его численности. Борьба с врагами соболя состоит в организации отстрела наземных хищников—рыси и росомахи и хищных птиц—филина, белой совы, ястреба-тетеревятника.

Акклиматизация кедрового стланика в округе могла бы способствовать улучшению защитных и кормовых условий в угодьях соболя. Это неприхотливое растение создает сплошной полог, под покровом которого соболю будет находить укрытие от врагов и пищу в виде плодов стланика и орешков и привлекаемых ими мышевидных грызунов.

Рациональная организация промысла соболя и проведение биотехнических работ могут быть осуществлены только на базе охотничье-промысловых хозяйств (промхозов). Промхозы округа имеют все возможности и должны стать передовыми охотничьими предприятиями, способными обеспечить правильное использование запасов соболя и дальнейшее развитие соболиного хозяйства.

Расширение ареала соболя путем искусственного расселения, проведение мероприятий по повышению его плотности в угодьях, плановое и разумное промысловое использование поголовья—все это будет способствовать повышению значения соболя в пушных заготовках.

ВОСПОМИНАНИЯ

Д. Ф. МЕДВЕДЕВ.

Дмитрий Федорович Медведев—председатель Реполовской ячейки РКСМ в 1919—1920 гг. В 1924—30 гг. работал на советской работе в Самаровском, Сургутском и Березовском районах.

В 1931—34 гг. работал в Москве в Комитете Севера ВЦИКа и аппарате ЦК КПСС, в 1934—38 гг.—в Омском обкоме КПСС, затем снова в Москве—на хозяйственной и партийной работе.

В настоящее время Д. Ф. Медведев работает секретарем Красногвардейского РК КПСС в Москве.

ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО КОМСОМОЛЬЦА

Прежде чем рассказать о рождении и деятельности первой комсомольской ячейки в селе Реполово, нужно сказать, как и когда докатилась весть о революции 1917 года в наше село (действия контрреволюции, которая пыталась огнем и мечом ликвидировать, уничтожить революционные элементы, это были последние, предсмертные потуги колчаковщины), как различные слои населения относились к этим событиям и какова была общая обстановка, в которой комсомольцы тогда начинали работать.

Первые вести о революции 1917 года

Зимой 1917 года стало известно, что рабочие и солдаты Петрограда низвергли царизм и образовалось Временное революционное правительство.

По-разному было воспринято это сообщение. Многие не верили, считали, что это вымысел. Как можно жить без царя? Ведь совсем недавно, кажется, в 1914 году торжественно отмечалось 300-летие двора Романовых. «Царь— это бог на земле»,— говорили старики и старухи.

Сначала местные купцы и кулаки тоже возмущались, но когда они узнали, что Временное правительство находится в руках буржуазии, то успокоились.

Бывшие солдаты, вернувшись с фронтов империалистической войны искалеченными и израненными, говорили: «Так и надо, давно пора свалить царя».

Многие мужики не высказывали своего мнения— еще не успели разобраться. Попы продолжали по-старому призывать молиться за «царя и отечество».

Так было до конца зимы и все лето 1917 года.

Уже зимой, с установлением пути, докатилась в деревни и села Самаровской волости весть о Великой Октябрьской социалистической революции. Ее привезла почта и демобилизованные солдаты. Мы узнали о том, что свергнуто Временное буржуазное правительство.

Купцы, кулаки и попы проклинали большевиков, всячески поносили и ругали их, объявляли большевиков антихристами, внушали трудовому крестьянству, что наступит светопредставление. Они ратовали за свергнутое правительство Керенского, а затем стали горой на сторону Омского правителя Колчака и всякого контрреволюционного сброда.

Солдаты, вернувшиеся с фронта, особенно из бедноты, маломощных середняков, да и из средних слоев крестьян, не жалели Временное правительство, которое этих солдат с таким же упорством и ожесточением, как и царизм, гнало на фронт, на убой. Солдаты в своем большинстве были за большевиков, за Ленина, выведших Россию из империалистической войны, распустивших солдат по домам, объявивших, что фабрики и заводы передают рабочим, которые на них трудятся, а землю передают крестьянам, которые ее обрабатывают.

Совершенно простая и ясная политика большевиков, вождя большевиков В. И. Ленина доходила до самого сердца каждого труженика. Батраки и бедняки начали сочувствовать большевикам.

Но не успели еще искры ленинских идей овладеть массами крестьян и разгореться пламя революции на Крайнем Севере, как контрреволюция с помощью международного капитала по всей Сибири захватила власть в свои руки. Колчаковщина начала душить, ликвидировать в зародыше неуспевшее организзоваться и сколько-нибудь укрепнуть революционное движение среди крестьян. Колчак огнем и мечом искоренял идеи большевизма, арестовывал, без суда и следствия вешал, топил в Иртыше и расстреливал всех большевиков и сочувствующих Советской власти. Карательные отряды Туркова, Волкова и других офицеров—выходцев из буржуазии, зверствовали по всему Северу. Это был страшный террор. Это была месть буржуазии. Месть за посягательство на ее право эксплуатировать народ. Месть за то, что трудовой народ попытался поднять голову, посмел мыслить о свержении рабства, о своей свободе.

Не было, пожалуй, ни одного села, деревни или юрт, где бы колчаковские каратели не арестовывали, не отправляли в тюрьму или не расстреливали, не замучили крестьянина, обвинив его в большевизме.

В нашем небольшом селе Реполово колчаковцы арестовали и отправили в Тобольскую тюрьму Лаврентия Ефимовича Худякова. Его обвинили в связи с большевиками. В Тобольске держали его в камере смертников. Затем отправили в барже смерти на Томск, и старику буквально чудом удалость спастись.

Был такой случай: пароход с отступающими на Томск из Тобольска белыми не остановился на пристани в с. Реполово, видимо, опасались партизан и большевиков. Но в Реполовских юртах пароход сделал остановку. Тогда некоторые крестьяне—мужчины и женщины и особенно мы, молодежь, побежали прямо дорогой через лес к месту остановки парохода и на лодках перебрались в Реполовские юрты. Многие рассчитывали встретить родных или знакомых, солдат, мобилизованных Колчаком, которые, кстати сказать, на каждой пристани и при малейшей возможности дезертировали и скрывались в тайге. Пришел на пристань и Сургутсков Владимир Петрович. Он рассчитывал встретить какого-то родственника или знакомого и, действительно, встретил. При разговоре со своим приятелем он посоветовал ему бежать, сказав, что дело колчаковцев проиграно. Этот разговор подслушал какой-то подлец и сообщил офицеру-контрразведчику. Мужик был немедленно арестован и приведен на пароход. Затем на лодке, под покровом ночи, белогвардейцы перевезли его на другой берег Иртыша и там в лесу учинили зверскую расправу. Труп его, исколотый штыками, был обнаружен только через неделю.

Подобные факты имели место и в селах Батово, Тюли, Базьяны, Самарово, Елизарово и многих других деревнях и юртах.

Но ни зверские расправы с населением, ни агитация купцов, кулаков, попов, меньшевиков и эсеров за Омское правительство, ни помощь международной интервенции и, в первую очередь, японцев и чехов не помогали колчаковщине.

Идеи ленинизма, лозунги большевиков были настолько понятны, правдивы, близки трудовому народу, что они, эти идеи, быстро овладевали крестьянами и превращались в непобедимую материальную силу. Слово большевиков, ленинскую правду невозможно было арестовать, заковать в кандалы и посадить в тюрьму, за решетку, в камеру или баржу смертников. Ее нельзя было утопить в бурных водах Иртыша, повесить, расстрелять, сжечь в огне. Люди гибли, а ленинизм жил, распространялся в массах. На место убитого, замученного пытками одного большевика или

сочувствующего коммунизму, становились все новые и новые люди, десятки людей, сотни, тысячи...

В конце лета 1919 года Колчак попытался провести еще одну большую, можно сказать, всеобщую мобилизацию населения в свою армию. Призывалось все мужское население Крайнего Севера от 17 до 50 или 60 лет. Во все деревни, села и юрты прибыли специальные карательные отряды, чтобы отправить призывников на сборный пункт. Под охраной белогвардейцев нас везли на специальных пароходах до г. Тобольска.

Вместе с пожилыми мужиками везли и нас, семнадцатилетних безусых юнцов, не знавших ужасов войны, не нюхавших пороха битвы между людьми. Как только мы прибыли в Тобольск, сошли с парохода на берег и разместились на постоянных дворах, немедленно стали распространяться слухи, что Красная Армия совсем недалеко от города, что не надо являться на призывной пункт, где собираются из нас немедленно сформировать воинские части и бросить в бой против Красной Армии, против наших братьев—рабочих и крестьян, а вместо этого необходимо уходить в лес, в тайгу и пробираться на родину—в свои деревни и села. Как потом выяснилось, это действовала Тобольская подпольная большевистская организация. Агенты контрразведки шныряли среди нас, старались подслушать разговоры, расспрашивать, делали обыски, искали большевиков и сочувствующих им, но безуспешно. У нас народ таежный—неразговорчивый. Молчали или перебрасывались изредка короткими фразами и то только с теми, кого хорошо знали. И было что-то грозное в этом молчании.

Только сынки купцов, попов и кулаков поспешили на призывной пункт и явились к нам в новенькой военной форме английского образца с офицерскими погонами. Они предлагали нам скорее явиться к воинскому начальству, призывали вставать в ряды защитников православной веры, Колчака и Отечества. Их слушали и молчали. А глубокой темной осенней ночью, как будто бы по чьей-то команде тихо поднимались, будили соседа, забирали свои котомки и снова молча, тихо один за другим выбирались во двор и по каким-то грязным темным переулкам, за каким-то вожаком, добрались до горной лесной части г. То-

больска. Потом тайгой, не по дорогам (дорогой было опасно, она охранялась белыми), небольшими группами и в одиночку брели на север, вниз по Иртышу к с. Медведчиково.

И когда в Тобольске настал день, а карательные отряды белых с раннего утра оцепили все постоянные дворы с тем, чтобы под охраной отправить нас в казармы, они нашли только одиночек—сынков богатеев, кулаков, чиновников, которые спокойно спали и ничего не знали, куда девалась остальная масса.

Погоню за нами, видимо, устраивать боялись: было поздно. Трудно было собирать людей, рассыпавшихся группами и в одиночку по необъятной лесной тайге, которая тянется по правой горной стороне Иртыша на север вплоть до тундры. К тому же белое командование вынуждено было поднять и бросить весь гарнизон на защиту Тобольска, на который очень интенсивно наступали части Красной Армии.

Таким образом, расчеты колчаковцев на то, чтобы использовать жителей северных сел и деревень в обороне города и в организации контрнаступления на Красную Армию, провалились.

Это, естественно, ослабило силы белых соединений, которые защищали город, ускорило его падение, а затем и паническое бегство офицерства и местной тобольской буржуазии вниз по Иртышу с расчетом выбраться через Самарово на р. Обь, а потом подняться через Сургут, Нарым до г. Томска и соединиться с белыми войсками.

Растерявшаяся тобольская буржуазия вместе с разгромленными белыми бандами офицеров и небольшим количеством солдат в панике бежала по этому пути, захватив оставшиеся пароходы, баржи и просто рыбацья лодки. Многие из бежавшей буржуазии не достигли цели, так как наступали осенние холода и Иртыш замерз. Они вынуждены были остаться до зимнего пути в деревнях и селах у местной буржуазии, попов и кулаков. Офицерство снимало погоны, перерядилось под мужика и пробиралось в Томск к Колчаку. Остатки солдат по дороге разбежались.

Мы же, выбравшись из Тобольска в тайгу, шли по ней на север. Брели звериными тропами. Перебирались через

многочисленные речки и протоки на плотках. Доставали рыбацьи лодки и по ночам плыли по течению Иртыша, пока не достигли своих сел.

Как только мы прибыли домой, наступили морозы и Иртыш сковало льдом. На несколько дней остановилось всякое передвижение.

В нашем селе тогда вынужден был остановиться небольшой транспорт, на котором бежало несколько белогвардейских офицеров и тобольских купцов. Офицеры сразу же скрылись, а буржуа с семьями разместились у местных купцов и кулаков, решив здесь отсидеться...

Красная Армия еще не пришла к нам, советская власть не была установлена. Действовало старое волостное управление, во главе которого стоял местный кулак. Телеграфа у нас не было, телефон был за несколько десятков километров, за Иртышом в горе, где проходила линия. Во время распутицы никакой связи не было ни с Тобольском, уездным городом, ни с Самарово—соседним волостным центром, где был телеграф. У местной власти была полная растерянность.

Как только кончился период осенней распутицы, в Реполово прибыла часть партизанского отряда Зырянова Антонина Петровича. Вскоре за ним прибыла вторая группа партизан под командой т. Башмакова. Они в Реполово не задержались, в их задачу входило ликвидировать остатки бежавших на Север белогвардейских частей и карательных отрядов.

Вскоре вслед за партизанами приехали два товарища из Тобольского укома комсомола, которые собрали всю молодежь села Реполово. Они рассказали о том, что по всей Сибири колчаковщина ликвидирована и установлена Советская власть, что в городах и селах из молодежи создаются комсомольские организации, которые должны поддерживать большевиков и защищать Советскую власть, что молодежь должна быть впереди.

На этом собрании молодежи выступил первый большевик, которого мы увидели на яву собственными глазами впервые в жизни. Этим коммунистом был Константин Кропотин, тобольский рабочий, моторист с катера, который зимовал в с. Реполово. Он был членом Коммунистической партии с 1917 года.

Только теперь нам стало понятно, почему у Кости Кропотина (так мы его звали тогда) произошла «авария» катера и белые должны были бросить его в нашем селе, а Костя кое-как спасся от расстрела. Только теперь нам стало ясно, почему он завел дружбу с беднотой и молодежью из бедняцко-средняцкой среды. Он много нам рассказывал о том, почему надо было свергнуть царизм и капитализм и установить Советскую власть, кто такие большевики и их вождь В. И. Ленин.

На нашем собрании была почти вся крестьянская молодежь комсомольского возраста. Пришли и сынки местной буржуазии и кулаков. Много было нам непонятно. Сидели до глубокой ночи и решили создать реполовскую ячейку РКСМ. Тут же открыли запись желающих вступить в комсомол. Много, очень много записалось тогда в члены РКСМ, кажется, человек 45—50. А на другой вечер Константин Кропотин собрал нас, комсомольцев, на первое собрание.

На этом собрании мы избрали председателя ячейки РКСМ и товарища председателя (бюро или комитет тогда не избирались). Товарищем председателя комсомольцы избрали меня.

Между тем, местные купцы, священнослужители и кулаки, распускали злостные слухи о том, что Советская власть пала или вот-вот упадет, что на борьбу против Советов поднялся весь мир, что не сегодня-завтра в село придут сильные карательные отряды, поймают и повесят большевиков, комсомольцев и всех сочувствующих Советской власти с их семьями, а дома и имущество их сожгут.

Что мы могли противопоставить этим злостным провокационным слухам? Газету мы получали в ячейке комсомола раз—два в месяц. Радио тогда не было. Мы старались читать эти газеты для всех комсомольцев и молодежи, но нам говорили, что это старо. А слухи все ползли и ползли. И многие мужики верили купцам, кулакам, особенно попу, ибо народ у нас был религиозный и темный. Атмосфера накалялась все больше. Родители стали требовать, чтобы их дети вышли из комсомола. Кулаки и подкулачники стали угрожать комсомольцам расправой. Были случаи, когда темной ночью встречают тебя два—три под-

леца, закутанные в зимние одежды, как ряженые на святках, покажут тебе нож и прокричат: «Или ты завтра убежешь из комсомола, или перережем тебе горло и спустим в прорубь Иртыша, а там поминай как звали». Отдельных комсомольцев по ночам начали избивать те же неизвестные лица. Мы перестали ходить в одиночку. Стали чем по пало вооружаться. Многие упали духом. Константин Кропотин всячески нас поддерживал, поднимал в нас бодрость, старался организовать. Это он предложил нам не ходить ночью в одиночку, вооружиться, кто чем может, каждый вечер просиживал с нами в ячейке РКСМ и провожал последнего из нас.

Собирались все вместе мы почти каждый день, но если на первое собрание пришло много комсомольцев, то на последующих их было все меньше и меньше. Вместо этого мы стали получать заявления о выходе из комсомола. Это было страшно тяжелое время для Реполовской ячейки РКСМ. Товарищ Кропотин и мы, несколько комсомольцев, пытались убедить ребят, что они поступают неправильно. Но это не помогло. Кулаки и попы сумели запугать и самого председателя.

На очередное собрание комсомола нас пришло не более 10 человек. Это были ребята, которые твердо решили под влиянием Константина Кропотина остаться в комсомоле, сохранить организацию, теснее сплотиться, не поддаваться провокации и бороться, а если нужно будет, уйти в лес и пробираться в Тобольск. Мы поклялись тогда во что бы то ни стало быть комсомольцами, помогать всеми силами большевикам, Советской власти, В. И. Ленину.

Товарищ Кропотин—этот неутомимый и бесстрашный большевик (к сожалению, не знаю, где он теперь, так как я потерял с ним связь в 1937 году) от имени Коммунистической партии, от имени В. И. Ленина принимал от нас, комсомольцев, эту священную клятву. Он говорил нам: «Ребята, будьте стойкими, не поддавайтесь на провокацию. Борьба будет длительная, кровавая, но победа неизбежно будет за нами, за большевиками, за В. И. Лениным, за трудовым народом. Но если кто-то боится, трусит, пусть уходит сегодня из комсомола. Все равно мы победим, победим обязательно».

Мы обсудили основательно создавшееся положение. Никто из нас не пожелал уходить из комсомола. Все высказали мысль, что лучше пережить все бури, невзгоды, несчастья и радости, но в комсомоле. Лучше умереть комсомольцем—помощником большевиков. Тогда мы порешили сохранить ячейку РКСМ и избрать новое руководство ячейки. По предложению товарища Кропотина, ребята избрали тогда председателем ячейки меня. Помню, как сейчас,—поздняя темная зимняя ночь. На дворе бушевала вьюга. Мы сидели в большой полупустой комнате второго этажа купеческого дома Пластининых, слабо освещенной керосиновой лампой, проводили свое, можно теперь сказать, историческое комсомольское собрание. Буря завывала на разные голоса, то угрожающе, то жалобно, то свистела, как в старинных сказаниях соловей-разбойник, то редела, как страшный зверь. Но силы природы нас не пугали. Мы, сибиряки, таежники, люди привыкшие к своему суровому краю. Мы любили его. Страшнее для нас было вражеское окружение в селе. Нам казалось, что мы сидим в маленькой крепости. Здесь мы как-то защищены. А на дворе, за воротами, на улице нас подстерегает безжалостный враг, который из-за угла в темноте может нанести смертельный удар в спину. Боялись. Героями мы не были. Порох еще не нюхали. Драться не умели, но надо было идти на все.

Когда кончилось наше собрание, т. Кропотин предложил нам спеть «Интернационал» — этот пролетарский гимн, и как бы закрепить нашу клятву навсегда, на всю жизнь. Мы условились каждый вечер, если у ребят свободное время, собираться в ячейке. Это предложение было т. Кропотина. Он обещал нам ежедневно заходить и беседовать с нами на политические и другие темы. К тому же из Тобольского укома РКСМ мы получили большую почту. В ней было много газет (кажется, за две недели), несколько плакатов, брошюрок. Все это надо было прочитать и осмыслить. Мы были рады, что о нас знали в уездном городе, что нас там не забыли, что Советская власть там жива.

Чтобы не порвать связь с бывшими комсомольцами, мы решили продолжать дружить с ребятами, ходить на

молодежные вечеринки, но там держаться ближе один к другому, следить за обстановкой и в случае какой-либо провокации действовать организованно, дружно, если надо будет, то и драться.

Уходили мы с этого комсомольского собрания как-то по-новому воодушевленные, поверившие более в свои силы, чем раньше, когда нас было в четыре раза больше. Это было потому, что мы, кажется, впервые в жизни поверили в силу и мощь организации и организованности. Т. Кропотин нам рассказывал в тот вечер о В. И. Ленине, о его речи на II съезде партии. Он нам тогда говорил примерно следующее: «Не бойтесь, ребята, что большинство ушло из комсомола. Дело ведь не в количестве, а в качестве людей. Из партии тоже уходили, но она живет и будет жить. В. И. Ленин учит, что показных членов партии нам не надо и даром. Ну, а зачем нам показные члены комсомола? Если они боятся и трусят, если ими завладели религиозные и другие предрассудки и буржуазные пережитки, если они под влиянием родных, которые не хотят, чтобы они были с нами в комсомоле, пусть пока уходят. Настанет время, и все честные труженники вернутся к нам и снова будут с нами обязательно... Ленин учил, что сила партии не в количестве ее членов, а в организованности партии, сила организованного десятка больше, чем сила неорганизованной сотни, а сила организованной сотни людей больше, чем сила неорганизованной тысячи».

Прошло с тех пор 38 лет, но эти пламенные ленинские слова я не забыл и не забуду никогда.

Выходили с этого собрания мы все вместе. Впереди шел т. Кропотин, как командир маленького отряда. Проводили всех до дому, я был последним. Около моего дома т. Кропотин крепко пожал мне руку, по-отечески обнял и, проваливаясь по колено в сугробах снега, скрылся в бушевавшей еще во дворе вьюге.

До утра я лежал, переворачиваясь с бока на бок, с открытыми глазами и думал. Думал много, мучительно о том, почему большинство комсомольцев, а среди них было много хороших ребят, моих друзей, ушли от нас. Как их вернуть обратно? Как защитить нашу маленькую и

слабую комсомольскую организацию? Чем мы должны помогать партии большевиков и Советской власти?

Как только наступили сумерки следующего дня, все мы собрались снова в нашей ячейке РКСМ, в той же просторной купеческой комнате, где еще не так давно жили в безделье и роскоши купцы Пластинины. Здесь был наш штаб—штаб первой Реполовской комсомольской ячейки.

Кстати, надо сказать, как попали мы в этот купеческий дом. Это, кажется, было одно из революционных мероприятий, проведенных комсомолом. Ни национализации, ни экспроприации местной буржуазии у нас в селе тогда еще не проводилось. Когда была организована ячейка РКСМ, мы с товарищем Кропотиным пошли в Волисполком и попросили, чтобы нам дали помещение, где можно было бы вести работу с молодежью. Нам первоначально отказали, сказав, что в селе нет свободных домов. Тогда тов. Кропотин заявил, что у купца Пластинина три дома и можно было бы их потеснить. Нам ответили, что если мы имеем такое право, то можем занимать любой дом в селе и отвечать за свои действия. Константин Кропотин сказал, что мы так и сделаем, займем и сами сообщим об этом в уезд. Сразу же из Волисполкома мы пошли к Пластинину и предложили отдать ячейке комсомола один дом. Купец не ожидал такой дерзости, растерялся, перетрусил и без разговоров согласился освободить к следующему дню второй этаж одного из своих домов. Когда на завтра мы явились, нам вручили ключи от помещения, оно было совершенно пустое: ни стула, ни стола. Снова пришлось идти к толстосуму и требовать мебель. Тогда нам дали несколько старых столов и стульев. Затем мы еще раз были у него и потребовали, чтобы дал нам красного материала на знамя. Так было «национализировано» самой ячейкой РКСМ помещение, мебель и даже красный материал. На своем красном знамени мы написали «Реполовская ячейка РКСМ»—на одной стороне и «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—на другой.

Каждый вечер, как правило, мы все собирались в этом помещении и читали вслух газету, книжки. Читали, обсуждали, спорили, иногда ругались. Тов. Кропотин был у нас частым и любимым гостем, главным судьей наших

споров. Он все мог как-то просто и убедительно разъяснить нам, и времени было много (ночи зимой долгие), но его нам не хватало.

С каждым таким вечером мы росли, узнавали все больше и больше, но возникали все новые и новые вопросы, и казалось, что чем больше узнаешь, тем еще больше надо знать, усвоить, осмыслить.

Теперь уже много времени прошло с тех пор, но вспоминается, что каждый такой вечер у нас был и школой политграмоты, и комсомольским собранием, на котором горячо обсуждались и решались наши практические вопросы. С точки зрения политического роста мы узнали, что чем больше мы читаем газеты и книги, тем больше мы узнаем, политически зреем. Но с точки зрения политической, революционной деятельности, направленной на оказание помощи большевикам, Советской власти, мы часто были в большом затруднении. Все, что мы узнавали из газет и книжек, старались, как умели, пересказать дома родным и передать нашим друзьям—некомсомольцам, ушедшим из комсомола. Дома старшие нас слушали, но своего мнения не высказывали, а иногда коротко замечали, что «все может быть» или «дай-то бог, чтобы так было при Советской власти», или отвечали старой русской поговоркой «твоими устами да мед бы пить». Я жил тогда в семье отчима—крестьянина-бедняка Сургутанова Трофима Николаевича. Ни он, ни мать моя не возражали против того, что я вступил и остался в комсомоле. Но они боялись за меня, да и за себя тоже. Частенько у меня с отчимом был таксй, примерно, разговор:

— Тятя (так я звал отчима), а ведь Колчака Красная Армия разбила в пух и прах, и самого адмирала расстреляли. Так написано в газетах, которые мы читали в ячейке РКСМ.

— Ну, что-ж,— отвечает он,— может быть и так. Но на место Колчака, говорят, есть посильнее его, а сила у них огромная.

— Но ведь это неправда,— говорил я,— это все выдумывают и врут вам буржуи. Против Красной Армии никому не устоять.

— Дай бы бог, — отвечает он. — Да ведь есть еще англичане; американцы, французы, японцы. Они, говорят, все против Советской власти. Все на нас. Японцев я, слава богу, знаю, я с ними воевал в русско-японскую войну, был ранен. Знаешь, какие у них тогда были пушки, как они нас в Манчжурии бомбили? А какие у них корабли — на нос корабля смотришь, корму его не видишь!

— Всех Красная Армия побьет, всех выгонит из России! — горячился я. — Она же нас защищает, нашу рабоче-крестьянскую власть. И такая армия, такая всенародная власть все равно победит обязательно и японцев, и англичан, и французов, и американцев.

— Вот бы бог помог. Знаешь, мы в Манчжурии японцев тоже иногда били основательно. Народ у них мелкий, можно было по два на один штык. А техника у них была сильна. У нас ее не было. Потому они нас со штыком близко не подпускали. И порядка у нас в армии не было.

— Но ведь бога-то нет! Мы сами должны помочь Советской власти и Красной Армии.

— Это ты откуда взял, что бога нет? Ты мне бога не тронь. Кто тебе так сказал о боге-то? Тоже, наверное, в своих газетах прочитал и в книжках?

— И прочитал, а что?

— Брехня, слушай их, антихристов.

— Но вы же слушаете разную брехню про большевиков и про Советскую власть.

— Ну и что же, пусть брешут.

— И верите им?

— Не верим.

Так, примерно, мы частенько спорили с Трофимом Николаевичем.

Ребята, ушедшие из комсомола, не сторонились нас. Частенько мы с ними беседовали по одиночке. Слушали они нас. Иногда спорили подолгу. Во многом соглашались с нами. Иногда заходили в ячейку РКСМ. Читали газеты и книжки. Но в комсомол не возвращались. Одни побаивались отцов и матерей, другие верили злостным слухам, ожидали белых, старую власть. На молодежные вечеринки мы ходили все вместе. Большинство молодежи относилось к нам по-прежнему хорошо. Некоторые сынки купцов и кулаков вели себя вызывающе, пытались провоци-

ровать нас на драку, дразнить. Были случаи, когда кое-кто из нас получал оскорбление, подзатыльник. Тогда сразу весь наш десяток дружно прижимал к стенке подлеца. А он, не находя поддержки других ребят, старался убраться подобру-поздорову. Надо сказать, что молодежь таких провокаторов не поддерживала. Наоборот, она сочувствовала нам, часто вставала на нашу сторону. И потому ни один подлец не смел нас тронуть, когда мы были все вместе и к тому же на народе. Но не дай бог, когда мы случайно одиночками вечером или ночью встречались с сынками купцов и кулаков. И если нас не спасали ноги, то болели у нас бока. Сынки богатеев пытались было тоже создать свою организацию, которую можно было бы противопоставить нам, но у них ничего не выходило, ребята к ним не шли. Так было всю зиму.

Наступила весна 1920 года. Снова началась распутица. Снова прервалась связь с уездным городом Тобольском. И поползли по селу из дома в дом старые и новые выдумки о гибели Советской власти, о разгроме Красной Армии, об уничтожении большевиков. Мы, комсомольцы, да и не только мы, уже знали цену этим провокационным слухам. Но кое-кто в них верил.

Наступило 1 Мая 1920 года. Впервые в истории села Реполово мы решили по-революционному отметить этот всенародный праздник. Константин Кропотин рассказал нам на комсомольском собрании, как рабочие еще при царе нелегально справляли день 1 Мая, как его отмечают рабочие и крестьяне теперь в освобожденной России и как следовало бы его отпраздновать в нашем селе.

Решили мы тогда перед 1-м Маем провести общее собрание всей молодежи села и пригласить на него мужиков-бедняков и батраков, а 1 Мая с утра провести демонстрацию по селу с портретом В. И. Ленина, нашим знаменем и лозунгами. Собрание мы назначили на вечер, кажется, на 28 или 29 апреля в помещении ячейки РКСМ. Между собой распределили, кто и кого должен приглашать на собрание и на демонстрацию.

Кроме нас, комсомольцев, на это собрание пришел т. Кропотин (он был докладчик), коммунист Илья Рыбин. Было до десятка батраков и человек 15 молодежи. Мы даже не ожидали такого сбора народа. После доклада было

много вопросов. Всех присутствующих мы пригласили на первомайскую демонстрацию. Назначили время и место сбора на улице у здания, где помещалась ячейка РКСМ.

Очень мы готовились к этому празднику. Под руководством того же Константина Кропотина разучивали революционные песни. Сами хорошо оформили имевшийся портрет В. И. Ленина, чтобы его можно было нести в колонне. Подновили наше комсомольское Красное Знамя и сделали к нему лучшее древко, на конце которого смастерили красную звезду. Снова пошли к купцу Пластинину и вытребовали у него четыре аршина красного материала. На этом материале мелом, который добыли в школе, написали лозунг «Да здравствует Советская власть!», «Долой буржуазию!» и сделали к нему два древка. Для всех комсомольцев сделали из этого материала красные бантики, которые во время демонстрации должны быть у нас на груди. Вот и все, что мы придумали тогда для оформления нашей первой майской демонстрации.

Наступил наш первый революционный праздник. День был солнечный, ясный и теплый. Вода на Иртыше поднялась высоко, залила речку Яловую. По всему Иртышу шел с треском и шумом лед. Снега в селе уже не было, но еще не подсохло. На улицах было очень грязно.

Рано утром, с восходом солнца, когда народ привык в деревне подниматься, все мы, комсомольцы, кто как мог принарядившись, были уже на своем сборном пункте и начали готовиться к демонстрации.

Весть об этом необычайном явлении облетела всех еще до 1 Мая, и, естественно, многим, особенно молодежи, было интересно, если не участвовать, то хотя бы посмотреть, что же такое задумали сделать комсомольцы. Мы, конечно, переживали, волновались. Для нас решался очень важный вопрос, окажемся ли мы в этом мероприятии изолированным десятком, или нас поддержит молодежь, придет к нам, пойдет вместе с нами. Купцы и кулаки снова распускали усиленно разные провокационные слухи, запугивали ребят и мужиков.

Мы уже были готовы. Но никого не было. Ждали. Минуты казались часами: «Неужели не придут? Все равно пойдем одни», — думали мы. Но вот явилась пара вихрастых десятилетних мальчишек. Смело шлепая босыми ножонка-

ми по холодной грязи, они подбежали к нам и попросили, чтобы мы их взяли с собой. Мы, конечно, были рады и этим ребятам. Затем, с другой стороны, подошло еще трое мальчишек и попросились с нами. Потом еще, и толпа стала расти. Через некоторое время к нам стали подходить уже ребята нашего возраста, наши друзья, сочувствующие нам, которые соглашались идти вместе с нами. Появились и наши противники. Это были сынки купцов и кулаков и их прихвостни. Они не подходили к нам. Собирались обособленно на другой стороне улицы. Их кучка не росла. Набралось всего лишь не более десятка человек. Нас же было с ребятами за полсотню. Решили больше не ждать. Построились по четыре человека в ряд. Вперед вынесли наше комсомольское знамя, затем портрет В. И. Ленина, потом лозунг на красном полотнище. У всех нас на груди были красные бантики. Мы их сделали побольше и разделили еще и нашим друзьям. Они их тоже прикрепили себе на грудь.

Вот вся колонна двинулась вперед к центру села. Впервые на улице нашего села мы запели революционную песню «Смело, товарищи, в ногу». Ее подхватила вся наша колонна, особенно ребяташки. Песню вообще у нас в селе любили, и многие ребята имели неплохие голоса. Вышло очень дружно и хорошо. Песня революции загремела и понеслась на все село. Затем пели «Варшавянку», «Интернационал», потом повторили их же. И чем больше мы повторяли, тем лучше получалось. А из колонны ребята уже требовали: «А ну, еще раз «Смело, товарищи, в ногу» или «Варшавянку». Так мы прошли мимо церкви, вышли на улицу, что была по правому берегу р. Яловая, прошли по ней до конца села, за последние дома Сетиных. Затем развернулись, пошли обратно, сначала тем же маршрутом, затем дальше на берег Иртыша. Здесь мы повернули налево и по другой улице пошли снова к центру села, мимо домов купцов Пластининых, возле двух домов попов, вышли еще раз на площадь к церкви, где развернулись и направились к ячейке РКСМ. Закончив нашу первую революционную демонстрацию, мы вместе со всей молодежью пошли на берег Иртыша к месту, где обычно собирались на гулянье.

Эффект был исключительный. Вначале нас шло всего лишь пять десятков с ребяташками вместе, под конец наша колонна выросла в два—три раза. По существу, вся молодежь комсомольского возраста была с нами, исключая десяток купеческих и кулацких сынков. Многие мужики и женщины, особенно девушки, услышав новые песни на улице, выходили из домов посмотреть на наше шествие. Большинство одобряли, другие покачивали головами, не то одобряя, не то осуждая нас, третьи—плевались и бранились, называя нас антихристами. Так мы отпраздновали 1 Мая 1920 года в с. Реполово.

Эта демонстрация показала нам, что теперь комсомольцы не изолированы от молодежи, что теперь молодежь с нами, что если они сегодня по разным причинам еще не комсомольцы, то завтра они будут комсомольцами. И мы ждали это завтра.

Настроение наше после первомайского праздника было повышенное. Мы чувствовали, что нас уже начинают признавать, что мы заинтересовали молодежь, что нельзя с нами не считаться, что в организации, сплоченности, в единстве действий заложена большая сила. Все это создавало у нас уверенность в своих силах, развивало инициативу, энтузиазм. Мы думали и искали пути, в чем бы еще проявить наши революционные действия, чем бы помочь Советской власти...

Прошло всего лишь несколько дней после праздника, как пришел из Тобольска первый пароход, который привез нам из укома комсомола целую грудку почты, газет, журналов, новых книг, писем, плакатов и т. д. Притащили мы весь этот ценный для нас груз в ячейку комсомола и засели за разбором и изучением на всю ночь. Очень много нового, хорошего и радостного узнали мы тогда из присланных нам материалов. Но, вместе с тем, была и одна неприятная новость. Мы узнали, что панская Польша объявила войну Советской России, решив помочь генералу Врангелю свергнуть власть рабочих и крестьян и восстановить старый режим, власть буржуазии. На Юге и Западе России шли ожесточенные бои. В. И. Ленин, партия большевиков призывали рабочих и крестьян снова мобилизовать все свои силы на разгром последней авантюры контрреволюции и международной интервен-

нии. В корреспонденции был исторический плакат, на котором изображался красноармеец с винтовкой в руке с надписью: «А ты еще не записался добровольцем на фронт?».

Когда мы читали и перечитывали все это, у нас тут же зрела мысль о том, что наше место должно быть в рядах Красной Армии. А на завтра вечером собралось комсомольское собрание, оно обсуждало один вопрос, как нам, комсомольцам, помочь партии большевиков и Советской власти разгромить белополяков и Врангеля. На этом собрании, как и на других, был секретарь ячейки РКП(б) т. Кропотин. Не было больших и зажигательных речей, но были серьезные суждения, споры о том, идти ли нам сейчас на фронт или подождать, всем ли поехать или только некоторым из нас, на кого оставить нашу ячейку комсомола, если мы все пойдем добровольцами в Красную Армию.

Уже на рассвете мы договорились и приняли решение ехать всем добровольцами в Красную Армию.

На следующую ночь назначили сбор. Мне, как председателю комсомольской ячейки, поручили подготовить все документы от Волисполкома и обеспечить для нас подводу (т. е. рыбацью лодку) до юрт Заводные, вверх по Иртышу.

Наш отъезд ночью был назначен не случайно. Некоторые ребята боялись, что родители их не отпустят, а могут по-отечески выколотить из головы эту дерзкую мысль. Поэтому было решено ехать срочно и наш отъезд держать в тайне. Однако, как говорят, «цила в мешке не утаишь». Кто-то узнал. Вечером поздно я пришел в Волисполком и послал рассыльного за председателем и секретарем исполкома. Оба явились незамедлительно, так как время считалось тревожным, революционным. Я объявил им решение ячейки комсомола. Попросил тут же написать документы о том, что мы едем срочно добровольцами на фронт и должны явиться в Тобольский уездный военкомат, что во всех деревнях и селах обязаны предоставить нам подводы, а также оказать другое содействие в нашем продвижении.

К началу утренней зари была заказана подвода, но люди не должны были знать, кого и куда повезут. Председатель и секретарь Волисполкома были предупреждены не разглашать нашего секрета до следующего дня.

Пришел я домой ночью. Мать не спала и предложила покушать. Она спросила меня, не уезжаю ли я добровольцем в Красную Армию, на фронт. Я удивился, что наша тайна уже не секрет. Когда я признался, она всплакнула, но не отговаривала и стала собирать меня. Отчим не поднялся с кровати. Он, видимо, тоже знал и держал строгий нейтралитет. Обнявшись с матерью, я забрал котомку с продуктами и парой белья и побежал к месту сбора.

Велико было мое смущение и удивление, когда на высоком берегу Иртыша, в устье р. Яловая, на месте нашего сбора, я обнаружил более трех десятков ребят и девочек, в среде которых трудно было разыскать комсомольцев. Оказалось, что молодежь узнала нашу тайну и пришла проводить нас, как полагается. Появилась гармоника. Ночью, на заре, вдруг дружно загремела песня, одна, другая. Затем грянули «Смело, товарищи, в ногу», «Варшавянку», потом «Интернационал». Мы начали спешить. Крепко и дружески распрощались со всеми. Сели в лодку, поехали и запели снова революционные песни. Мы в лодке, а ребята шли по берегу Иртыша вплоть до леса и пели от всей души, пели и махали платочками. Многие ребята с берега кричали нам: «Подождите нас в Тобольске, мы тоже приедем добровольцами в Красную Армию». Они нас упрекали за то, что мы скрыли от них свои намерения. Ребята были правы. Примерно через неделю вторая группа молодежи, но уже не комсомольцы, поехала вслед за нами на фронт. С некоторыми из них мы встретились уже в г. Омске, где формировалась первая сибирская стрелковая добровольческая бригада под командованием сибирского партизана т. Мамонтова. Позднее наши встречи были уже на Украине на Южном фронте, в боях с дроздовской дивизией Врангеля...

С тех пор прошло 37 лет.

Сейчас трудно вспомнить, восстановить в памяти фамилии всех реполовских комсомольцев и некомсомоль-

цев, которые ушли тогда добровольцами в Красную Армию и защищали с оружием в руках молодую Советскую власть.

С нами были тогда Федор Сургутсков, с которым встречался я, будучи ранен, в августе 1920 года в полевом госпитале, Роман Сургутсков, Федор Воронов, Шаламов, Никодим Сургутсков и ряд других ребят.

После нашего отъезда из с. Реполово там вновь возникла комсомольская ячейка, которая во время кулзцко-эсеровского восстания в 1921 году была разгромлена.

В третий раз комсомольская ячейка была создана в начале 1923 года, когда старые комсомольцы вернулись с фронта гражданской войны.

Так родилась первая комсомольская организация в селе Реполово Самаровского района Ханты-Мансийского округа Тюменской области в 1919 году.

Так комсомольцы тогда начинали свою деятельность.

Е. М. Ершова-Чукреева

ЕРШОВА Евдокия Михайловна в 1919 — 1920 гг. была председателем первой комсомольской ячейки в с. Самарово. Член КПСС с 1929 года. В 1921 году — медсестра Военно-революционного отряда по борьбе с бандитизмом на Севере. В 1930 году вместе с мужем Чукреевым И. И. была организатором коммуны «Спартакиада» (позднее переименованной в сельхозартель «XV лет Октября»). В 1941—46 гг. работала председателем Самаровского сельского Совета. В настоящее время — персональная пенсионерка, проживает в г. Ханты-Мансийске.

РОЖДЕНИЕ КОМСОМОЛЬСКОЙ ЯЧЕЙКИ

Село наше Самарово было большое, волостное, и молодежи в нем было немало. Центром всей массовой работы был у нас народный дом, организатор которого — политссылный Константин Шмуклер — низкорослый, полный, голубоглазый блондин, работник кооперативной лавочки, был страстный любитель театра. В 1917 году организовал он драматический кружок. Мы, кружковцы, десяток молодых парней и девушек, своими силами отремонтировали старое, полуразрушенное здание школы, устроили сцену, раздобыли пьесы и стали готовить первые постановки. Население шло в народный дом охотно. Летом в 1918 году село заняли колчаковцы. Многие были арестованы, среди них оказался и Костя Шмуклер, другие скрылись в лесах, третьи ушли в партизанский отряд. Народный дом пустовал. Хотели было купеческие сынки поставить пьесу для белогвардейцев, но мы, оставшиеся в селе, были против, так ничего у них и не вышло, не помогли ни угрозы, ни розги.

Шмуклер случайно избежал отправки на «баржу смерти», и все время поддерживал односельчан, сообщая о подходе красных партизан и скором освобождении села.

18 ноября 1919 года в с. Самарово вступил партизанский отряд, белые бежали. Через несколько дней позвал Шмуклер меня с подругой Ираидой Кошкаровой в народный дом. Собрались вечером, кроме нас в комнате были пришедшие с партизанским отрядом Бублик, сосланный на Север еще в 1905 году, Кошкаров Корней и скрывавшиеся от колчаковцев пожилой крестьянин Конев Федор и брат Ираиды — Афанасий Кошкаров, участник штурма Зимнего дворца в октябре 1917 года.

Это было первое собрание ячейки сочувствующих партии большевиков; Константин Шмуклер объяснил нам ее задачи. Позднее в ячейку вступили возвратившийся в село из Тобольска председатель кооператива, политический ссылный с 1905 года, Никитин и учительница Васса Конева, учившаяся до революции в Московском университете и исключенная за участие в революционном кружке.

О комсомоле мы тогда еще ничего не знали. Но вот и до нас дошла весть о создании Коммунистического Союза Молодежи. В последних числах ноября 1919 года прибыл

в село паренек лет девятнадцати—Шура Басов. Оказался он представителем Тобольского уездного комитета комсомола.

В народном доме собралась молодежь, но меня на этом собрании не было: лежала дома, больная тифом. Наутро прибегают подружки Рая Кошкарова, Стеша Зыкова, еще кто-то.

— Ой, Дуся,—говорят,—приехал к нам парень, длинный да тощий, из уезда, организовал какой-то союз молодежи, выбрали Петьку Кузнецова.

— Не ладно, — говорю, — девчата, что-то получается. Петька же—сын купца, и брат у него в колчаковском отряде служит. Приезжий он, ведь не знает, а вы зачем выбирали? Своих нам надо выбрать, из бедняков.

— Поди, Дуся, выступи на собрании, сегодня вечером опять собираемся,—говорит Рая.

Вечером собралась идти в народный дом, голова болит, в ушах шумит—тиф ведь все-таки. Однако пошла; думаю, этого буржуя на чистую воду выведу!

В народном доме молодежи было много, все в зале сидят, только один Петька Кузнецов на сцене, с надменным видом заседает у стола в каком-то старинном кресле, молчит, о чем и говорить-то не знает. В зале ребята перешептываются. Никто не выступает.

И откуда смелость взялась, не знаю, никогда раньше на собраниях не выступала я, а тут говорю:

— Я хочу сказать...—и начала стыдить комсомольцев за то, что буржуя председателем ячейки выбрали. Убедили мои слова комсомольцев, едва я кончила, все в один голос закричали:

— Долой буржуя со сцены!

— Долой буржуя из комсомола!

Всю важность с Петьки как рукой сняло, слез он со сцены и под крики ушел из народного дома.

Осталась ячейка без председателя. Стали выбирать нового. Веду собрание.

— Кого предлагаете председателем?

— Ершову,—кричат.

— Давай, Дуся, садись на председательское место!

Тайного голосования не было, подняли руки, выбрали Ершову единогласно. Так началась моя работа председателем ячейки РКСМ.

Трудно было мне, простой деревенской девушке, на первых порах. Грамотей я была небольшой, в школу только две зимы ходила, а по тем временам этого для деревенской девушки много было. Читать-то, писать умела, а вот что читать? Никакой литературы тогда о комсомоле у нас не было. Уездный комитет далеко, за 500 км., почта ходила очень редко, привезут тебе директиву, а ей уже и срок прошел. Газета была у нас на весь Север одна, «Северянин», выходила она в Тобольске, и получали мы ее тоже с большим опозданием. Брошюры со статьями В. И. Ленина, которые нам присылали, мы в ячейке зачитывали до дыр.

Особенно запомнилась мне брошюра «Коммунизм и религия». До этого я еще верила в бога, а прочитав ее, окончательно убедилась во вреде религии, с тех пор и в церковь ходить не стала и праздников церковных не признавала.

Работу свою комсомольская ячейка проводила вместе с ячейкой сочувствующих РКП(б): организовывали митинги, концерты, ставили постановки на темы дня, часто сочиняли их сами комсомольцы, средства от платных мероприятий сдавали в «помгол» — так сокращенно называли у нас комиссию по оказанию помощи голодающим Поволжья. Собирали для них средства и хлеб по деревням. Устраивали мы и субботники, а заработанные деньги отдавали в пользу Красной Армии.

Помню, организовали субботник по заготовке дров для школы и комсомольского клуба, который занимал две комнаты второго этажа в бывшем доме купцов Чукреевых.

Приехали на лошадях, с красными флагами, взяли с собой топоры и пилы, провели небольшой митинг и с пением революционных песен отправились в лес.

Дружно работали мы, дружно и отдыхали, все вечера проводили или в комсомольском клубе или в народном доме, ставили концерты и в других деревнях. Не все родители были довольны, что дети их в ячейку записались. Бывало, только соберемся, является чья-нибудь мамаша, хватать девку за косы и утащит с собрания. Ставили даже пьесу об этом, сами и сценарий писали.

Участвовали комсомольцы в работе комиссии чекатиф (была мода на сокращение слов, а расшифровывать это так: чрезвычайная комиссия по борьбе с тифом), устраивали для тифозных специальные бараки, изолировали их.

Вели мы большую антирелигиозную пропаганду, особенно в дни церковных праздников.

Осенью 1920 года послали меня делегатом на II уездный съезд союза молодежи в Тобольск, а оттуда—в Тюмень, на губернский. Большое это было событие в моей жизни, первый раз выезжала я из родного села. В Тюмени я вместе с другими делегатами съезда участвовала в первом Всероссийском субботнике.

День ото дня рос авторитет ячейки РКСМ, к концу 1920 года нас было уже около 60 комсомольцев.

М. М. ФИЛАТОВ

ФИЛАТОВ Михаил Матвеевич—боец отряда Лепехина, участник освобождения Обского Севера от колчаковцев. В 1921 году—член штаба военно-революционных отрядов по борьбе с бандитизмом. С 1924 года по 1941 год работал на разных должностях в кооперации. Участник Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С 1946 года вновь работал в кооперации до 1956 года. В настоящее время — пенсионер, проживает в г. Ханты-Мансийске.

КОНЕЦ КОЛЧАКОВЩИНЫ

В декабре 1919 года, после разгрома у ю. Новеньких, белые, избегая боев, отходили на север. Через несколько дней красноармейский отряд Лепехина и присоединившиеся к нему партизаны Лопарева заняли Березово, жители встретили своих освободителей хлебом и солью, красными флагами и приветственным словом. После трехдневного пребывания в Березове, закрепившись и организовав здесь Советскую власть, часть отряда ушла на Север, где к концу декабря был освобожден Обдорск (Салехард).

Но основные силы колчаковцев, отряд Туркова, отступили на запад от Березова, в Саранпауль, где соединились с печорцами Чайковского.

Саранпауль был хорошо укреплен проволочными заграждениями, белые имели 12 пулеметов в гнездах и гранатометатели, запас продовольствия и боеприпасов.

Командование Северного экспедиционного отряда понимало, что, штурмуя Саранпауль, отряд понесет большие потери, и выбрало другой путь.

В Березове были взяты заложниками родственники колчаковцев, местное купечество и урядник Гурьев, а в Саранпауль послали несколько купцов-парламентеров с письмом из нашего отряда. В этом письме колчаковцам предлагалось сдаться Красной Армии без пролития крови, в противном случае заложники будут расстреляны. Под давлением солдатской массы колчаковское командование согласилось на переговоры и просило выслать к ним парламентеров, что и было Лепехиным сделано. Печорцы же, не желавшие вести переговоры, ушли за Урал.

В группу парламентеров было назначено 5 человек: я, начальник пулеметной команды и три красноармейца. Отправились на трех нартах с двумя проводниками—зырянами. На первой нарте нас двое—проводник и я; за нами—второй проводник, начальник пулеметной команды и Сосунов; на последней нарте—Вторушин и третий красноармеец. Вслед за нами двинулся к Саранпаулю и Северный экспедиционный отряд.

Километрах в пяти от села мы встретили колчаковскую сторожевую заставу. У охотничьей избушки стоял на посту одетый в полушубок солдат с трехлинейкой. Остановились.

И сразу же из избушки вышли еще человек шесть, один из которых, молодой здоровенный парень, спросил зычным голосом:

— Куда следуете?

— Мы парламентареры, едем заключать договор,— ответил я.

Нам завязали платками глаза, на каждую нарту село по солдату, и мы двинулись к Саранпаулю.

Наконец нарты остановились, нам развязали глаза, и я увидел, что находился в центре села у большого пятистенного дома с крыльцом на улицу.

— Вот сюда заходите,— сказал начальник заставы.

Из большого крестьянского дома напротив выбежали несколько солдат в одних рубашках и смотрели, как мы заходим в дом. Мысленно я заметил себе, что, очевидно, там казарма.

Через маленькую полутемную прихожую прошли в просторную, с тремя окнами на улицу и двумя во двор, комнату. Посредине—большой стол под белой скатертью, вокруг простые деревянные стулья, у окон цветы. За столом два или три офицера, двое стоят у окна. Чувствуется, что нас ждали: все в полной форме, в погонах, с наганами и шашками.

При нашем появлении из-за стола поднялся высокий худой блондин, лет тридцати, с гладко зачесанными на прямой пробор волосами, предложил нам сесть. Как оказалось впоследствии, это был Турков.

Сообщив о состоянии Красной Армии и ее победах, объяснили белогвардейцам безвыходность их положения как в Саранпауле, так и на других фронтах, и передали предложение Лепехина: всем солдатам и офицерам сдать оружие мирным путем, после чего им гарантируется сохранение жизни. Часть офицеров во главе с Турковым была против заключения договора, другие — среди них Булатников и Литвинов—колебались, проверяли наши полномочия, интересовались, с какими документами их отпустим, не хотели сдавать личного оружия.

На улице толпились солдаты, ожидавшие исхода переговоров. Воспользовавшись тем, что беседа велась всеми участниками делегации, я незаметно вышел из комнаты; сопровождавших нас солдат с заставы в прихожей не бы-

ло. Быстро перейдя улицу, открыл дверь и очутился в крестьянской избе, переделанной под казарму: перегородак не было, вдоль стен—широкие деревянные нары, на них, среди разбросанных в беспорядке вещей и одежды, сидят и лежат солдаты. Здесь и наши проводники с заставы. В среднем проходе—пирамида с оружием, небольшой стол и табуретки. Оживленный разговор оборвался, люди повернулись ко мне и зашедшему следом солдату. Среди других выделялся интеллигентного вида молодой человек лет двадцати—это был писарь штаба Зосим Копыльцов, сын сторожа Березовского банка, один из революционно настроенных солдат. По его инициативе открылся летучий митинг.

Чтобы меня было лучше видно и слышно, влез на табуретку и обратился к солдатам. Сообщил о положении колчаковской армии и что офицеры отряда не соглашались на наши условия.

Но говорить долго не пришлось: солдат, посланный офицерами, обнаружившими исчезновение парламентаря, предложил мне немедленно оставить казарму и явиться в штаб.

Пришлось подчиниться. Часть солдат под руководством Копыльцова пошли вместе со мной. Они установили охрану, оцепили помещение штаба и стали требовать заключения соглашения.

Видя безвыходность своего положения, офицеры пошли на уступки. Переговоры длились всю ночь, а наутро начальник пулеметной команды стал принимать оружие: 12 пулеметов системы Максима и Кольта, 250 русских трехлинейных винтсвоков, 50 тысяч патронов, гранаты и личное оружие офицерского состава.

О заключении соглашения и сдаче белыми оружия немедленно сообщили в отряд Лепехину, находившемуся в 7—8 км от Саранпауля. Северный экспедиционный отряд вошел в село. Арестованных офицеров посадили в отдельное помещение под охрану; солдат, чьи года находились в Красной Армии, объявили мобилизованными, а стариков отпустили по домам.

По распоряжению командования арестованных офицеров отправили в Тюмень, в Губчека, сопровождали их 8 красноармейцев—дисциплинированных и исполнитель-

ных мадьяр. Начальником конвоя тов. Лепехин назначил меня. Мы брали на себя большую ответственность: охранять жизнь тех белогвардейских офицеров, которые в 1918—1919 гг. зверски расправлялись со всеми сочувствующими Советской власти на Обском Севере, и, естественно, боялись мести. Из Белогорья арестованные отказались ехать через Самарово, где они издевались над народом, просили везти их через Конду, но пришлось им еще раз побывать в Самарове и почувствовать на себе презрение и ненависть простого народа. Когда стали запрягать парные кошевы, население резко запротестовало и предлагало везти арестованных на дровнях, только учитывая просьбу конвоиров, дали нам розвальни.

Как бдительно ни охраняли мы арестованных, все же случилась такая история: в селе Луговая Суббота остановились для смены лошадей, отвели нам чистую комнату в маленьком домике. Пришла хозяйка с веником подметать пол: мы не возражали. Мела она, мела, а как подошла к Туркову, начала его бить комлем веника, сама приговаривала:

— Это за то тебе, что ты моего мужа шомполами бил!

Задачу свою мы выполнили, доставили арестованных в Губчека.

Ликвидацией Саранпаульской группировки в конце января 1920 г. закончилось освобождение нашего Севера от колчаковцев. 1-й Северный экспедиционный отряд ушел на польский фронт. Наш конвой отстал от отряда, и губвоенкомат направил нас обратно в Березово, послав с нами продовольствие и табак для местной команды. Началась моя служба помощником Березовского военного комиссара.

И. В. СМЕХОВ

СМЕХОВ Иван Васильевич—бывший красногвардеец, участник гражданской войны. В 1921 году — командир особого отряда по ликвидации эсеров-кулацкого мятежа. В настоящее время пенсионер, проживает в г. Тобольске. Ниже мы публикуем его воспоминания о встрече с П. И. Лопаревым, бывшим красным партизаном (1919—20 гг.), командиром II Северного экспедиционного отряда по ликвидации бандитизма на Севере в 1921 году.

П. И. ЛОПАРЕВ

ВСТРЕЧА С П. И. ЛОПАРЕВЫМ

Середина февраля 1921 года. Стоят жуткие морозы. Отряд особого назначения, которым я командовал, оперировал в тылу бандитов на стыке границы Тобольского, Ишимского и Тарского уездов. Штаб отряда в те дни дислоцировался в селе Слободчиково Тарского уезда. Дежурный по штабу докладывает:

— Прибыли какие-то три человека и настойчиво требуют пропустить их в штаб.

Велел пропустить. Заходят три человека. Двое в овчинных полушубках, а третий—в шинели и военной папахе. Один из них, среднего роста, двадцати шести—двадцати семи лет, в полушубке, подходит к столу, обращается ко мне по-военному:

— Здорово, солдат!

Не могу припомнить, где видел этого человека. Но он не заставил долго припоминать—сам пришел на помощь, говорит:

— Не узнаешь?—и рекомендуется: Лопарев Платон Илиич, это—Никифоров. (А третьего фамилию забыл, но как будто он называл Власовым).

— Я знаю вас с осени 1919 года, с момента освобождения города Тобольска от Колчака. Ведь вы были в тот период комендантом города Тобольска? А я, — говорит, — имел деловые связи по партизанскому движению на Севере с вашим командиром 2-й бригады 51 дивизии Мрачковским С. В. А в июне 1920 года я был у вас в штабе стряда, но вы посоветовали мне обратиться по этому вопросу к председателю УКОМа т. Семакову А. В., который являлся начальником штаба и ведал приемом.

Тогда я вспомнил, что человек этот обращался к нам, но не был принят лишь потому, что в стряд зачислялись только коммунисты и комсомольцы, а Лонарев П. И. в тот период был беспартийным. Я задал вопрос Платону Ильичу, как они пробрались сюда, так как кругом нас бандитские отряды, и мы в замкнутом кольце.

— Тобольские советско-партийные работники с семьями, ценным государственным оборудованием и небольшой тобольский гарнизон из-за отсутствия патронов и недостатка оружия отходит из Тобольска на Дубровное и Загваздино, а нам удалось проскочить вперед, так что вы, говорит, были в кольце, а теперь уже в колечке, — и поинтересовался, как у нас обстоят боевые дела.

— Дела не так плохи. Правда, было жарковато, так как ишимские, тобольские и даже тарские бандитские отряды на этом участке все время пытаются объединиться, чтобы объединенными силами нанести нам решающий удар, но, несмотря на тяжелое положение у нас с патронами, до сего времени им не удалось соединиться, а теперь уже и не удастся. В командном и политическом составе у нас порядочные потери, об этом Семаков А. В. сообщил Губкому через нарочного, надеемся, что примут необходимые меры. С подходом тобольской группы решили провести кое-какую реорганизацию: укрупнение мелких разрозненных отрядов и формирование дополнительных частей. Для восстановления советской власти (волревкомов, разгромленных бандитами) требуются тоже опытные организаторы, так что ваше появление у нас, Платон Ильич, очень кстати, и Александр Васильевич будет рад.

— Мы проскочили сюда с другой целью. Нам необходимо скорее видеть члена Губкома Семакова А. В. Скажите, где его найти?

— Александр Васильевич здесь, в Слободчиках, ушел на собрание. Формируем два эскадрона кавалерии, лошадей не хватает, на официальную мобилизацию у населения Александр Васильевич не соглашается— вот и ушел на собрание сам поговорить с мужиками, чтобы они дали лошадей временно с условием: после, когда не будет надобности, всех здоровых вернуть, а за вышедших из строя заплатить по государственной закупочной стоимости.

— Как бы скорее увидеть Семакова?—напоминает Лопарев.

Я черкнул Александру Васильевичу записку о том, что его срочно хотят видеть по важному делу три прибывших товарища. Он не заставил долго ждать, скоро явился. Началось знакомство и разные разговоры. Помню подлинные слова и просьбу Платона Ильича:

— Вы, конечно, не сможете выделить отряд на месте в мое распоряжение для ликвидации банд на Севере?

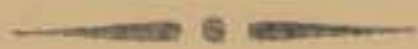
— Конечно, нет!

— В таком случае, я мог бы набрать людей в Тюмени, на пересыльном пункте, из демобилизованных наших северных красноармейцев, которые сидят в Тюмени без дела и рвутся освободить скорее от бандитов свой родной край.

Семаков черкнул мне записку: «Хорошо знаешь Лопарева?»

Я ответил: «Не так уже хорошо, но насколько знаю, то только с положительной стороны. Лопарев принимал активное участие в партизанском движении в 1919—1920 годах против Колчака и его отъявленных банд—Туркова и других на Севере, а в июне 1920 года был в Тобольске и просил принять его в отряд». Александр Васильевич вспомнил этот случай и стал писать письма Губкому и Губисполкому с просьбой оказать тов. Лопареву П. И. полное содействие по организации им экспедиционного отряда для ликвидации банд на Севере.

Платон Ильич и его друзья ночевали у нас в штабе, а рано утром взяли курс на Тюмень, стали пробираться по территории, занятой еще бандитами. Экспедиционный отряд был быстро сформирован Губвоенкоматом и выступил через Туринск и Конду на Север. Еще раньше командованием северной группы был направлен через Туринск в район Демьянска батальон красноармейцев под командованием тов. Абрамова. Они должны были перехватить разбитые и отступающие из Тобольска на Север банды и их главарей в районе Демьянска. Эту задачу батальону Абрамова полностью выполнить не удалось, но ее с честью выполнил Северный экспедиционный отряд под командованием Лопарева Платона Ильича. Он разгромил не только местные банды, но и отступившие из Тобольска, которые нашли себе могилы не только в земле, но и на дне Иртыша и Оби.

А. Д. СПАСЕННИКОВА

СПАСЕННИКОВА Анна Дмитриевна, член КПСС с 1920 г. В 1921 г.—медсестра военно-революционного отряда по борьбе с бандитизмом. В 1930 г. одной из первых вступила в колхоз в с. Цингалы. В 1931 г. выдвигается на работу зав. женсектором Самаровского райкома партии, затем работает в Цингалинской избе-читальне. В 1939—46 гг.—председатель Филинского с/совета. В настоящее время — персональная пенсионерка, проживает в г. Ханты-Мансийске.

Мне хочется рассказать, как в нашем селе Цингалы организовался колхоз. Сейчас это большой колхоз «Путь к коммунизму», который имеет передовую сельскохозяйственную технику, а было время...

До 1929 года крестьянин работал в своем личном хозяйстве. Но вот коммунисты Яков Семенович Курбатов и Денис Дмитриевич Спасенников организовали трудовую артель по вылову рыбы, куда вошли также Разбойников Руф Андреевич, Белкин Илья Лаврентьевич, Куклин Михаил Иосифович, Банковский Петр Кузмич, Шумилов Петр Григорьевич и ханты Исаков Николай Ефремович.

На общем собрании жителей села определили им водсемы, и артель начала работу. Дела пошли хорошо. Понравился им артельный труд, всю рыбу сдавали в интегралсоюз, а полученные деньги делили между собой соответственно количеству дней, занятых каждым на промысле.

В начале 1930 г. во многих селах нашего района стали организовываться сельскохозяйственные коммуны. В январе месяце приехал в с. Цингалы уполномоченный райкома партии товарищ Власов. Знали его в селе хорошо, помнили Павла Ефимовича как отважного и смелого борца за Советскую власть, бывшего бойца отряда П. И. Лопарева.

Власов сразу же собрал коммунистов в избе-читальне, помещавшейся во втором этаже бывшего кулацкого дома Батурина, расстрелянного за участие в кулацко-эсеровском восстании 1921 года. В первом этаже этого дома у нас был клуб. Мы решали на собрании один вопрос — об организации коммуны. Решили собрать группу бедноты, разъяснить ей выгоды коллективного хозяйства и уже после этого собирать общее собрание крестьян села. Когда мы вышли из маленькой комнаты заведующего избой-читальней, где проходило собрание, то увидели, что в читальном зале собрались крестьяне-бедняки, узнавшие о приезде Власова и партийном собрании. Сразу здесь же провели собрание группы бедноты. Все они поддержали решение партийной группы и высказались за организацию коммуны.

Через несколько дней созвали общее собрание жителей села. Клуб был набит до отказа; пришли все, многие женщины привели с собой детей.

Мне, как члену сельского совета, было поручено открыть собрание. Как только поднялась на сцену, зал стал затихать.

— Общее гражданское собрание деревни Цингалы разрешите считать открытым. Для ведения собрания надо избрать председателя и секретаря.

Где-то в глубине зала поднимается батрак Павел Евлампиевич Медведев.

— Я, товарищи, вношу предложение—избрать Спасенникова и Разбойникова.

Пожилой крестьянин Разбойников машет руками:

— Куда меня, я неграмотный!

— Ничего, ничего, Руф Андреевич,—подбадривают его из зала,—говорить умеешь, председателем побудешь, а Денис Дмитриевич грамотный, протокол он напишет.

Проголосовали единогласно. Пришлось старику занимать место за столом на сцене. Д. Д. Спасенников объявил: «На повестке дня, граждане, один вопрос—об организации коммуны в деревне Цингалы».

Зал ответил аплодисментами. Когда успокоились, председатель собрания Разбойников дал слово П. Е. Власову.

Он вышел к обтянутой красным материалом трибуне, заговорил решительно и громко, сразу приковав к себе внимание слушателей.

— Товарищи! Настал момент, когда новая экономическая политика исчерпала себя, надо переходить к новым формам работы—коллективному труду. Повсюду в нашей стране организуются коллективные хозяйства, пора и нам организовать свою коммуну!

Говорил он о преимуществах новой формы ведения хозяйства, о помощи, оказываемой государством колхозам. Едва кончил Власов, как посыпались вопросы:

— Как будет учитываться труд?

— На какие средства будем жить?

— Кто и где будет работать?

— Что будет обобществляться? — и много других. Отвечал Власов на каждый вопрос сразу.

После Власова выступил секретарь нашей партийной организации ханты Шатин Урван Иванович. Зачитав примерный устав коммуны, закончил свое выступление словами:

— Живем мы при Советской власти тринадцать лет, а трудимся все по-старинке. Кулакам больше свободы действий не будет, а все остальные, кто желает, могут записаться в коммуну.

Второй выступила старушка-беднячка Елена Анатольевна Банковская.

— Я мать восьми детей, очень трудно было мне их воспитывать, думаю, что в новой, колхозной жизни женщинам будет много легче и работать, и детей воспитывать. Устав я слушала, подходящий. Семья как хочет, а меня записывайте в коммуну!

Следом за ней записались Курбатов Я. С., Спасенников Д. Д., Лосева В. М., я, батраки-комсомольцы Александр Песпелов, Иван Бизин и Пафел Медведев, две сестры Натальи Сивковы, Разбойников Р. А., муж Банковской — Петр Кузьмич, ханты Спасенникова Александра Гавриловна, Исаков Николай Ефремович, Чагоров Павел Маркелович, Салтанов Дмитрий Александрович и другие, всего записалось в коммуну сорок шесть хозяйств и пять батраков. Председателем коммуны был избран мой муж Курбатов Я. С., а членами правления Шатин, Спасенников, Банковский и Банковская.

Пожилая ханты Екатерина Федоровна Мамыкаева предложила назвать коммуну «Йитып ях», по-русски это звучит «Новый народ», «Новые люди».

Собрание кончилось далеко за полночь, а утром специальная комиссия уже пошла по дворам записывать имущество, подлежащее обобществлению.

Надо сказать, что на первых порах сделали мы немало ошибок, например, обобществили весь скот, орудия лова, все орудия производства. Кулаки не замедлили восполь-

зоваться нашими ошибками и развернули агитацию против коммуны, действовали они, главным образом, среди женщин, в то время менее сознательных, запугивали их всякими небылицами, вроде обобществления мужей и жен.

Но колхоз не распался, его ядром были коммунисты и комсомольцы, партия помогла нам исправить недостатки, а коммуна была реорганизована в сельскохозяйственную артель «Путь к социализму».

ДОКУМЕНТЫ

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

**в Ханты-Мансийском
национальном округе**

на 1 января 1935 года

Наименование районов	Устав- ная форма	Число колхозов	В них объединено			
			ХОЗЯЙСТВ	в т. ч. туземн.	Населе- ния	в т. ч. трудо- способн.
Березовский	ССПА ¹⁾	17	907	241	3118	1322
	рыб. артель	12	166	117	—	—
		29	1073	358	3118	1322
Кондинский	ССПА	22	488	184	1620	774
	рыб. артель	20	353	168	1085	480
		42	841	352	2705	1254
Ларьякский	рыб. артель	15	182	182	691	
		15	182	182	691	
Самаровский	ССПА	43	1708	148	4986	2153
	рыб. артель	2	79	26	1585	200
		45	1787	174	6571	2353
Сургутский	ССПА	11	396	22	1127	449
	рыб. артель	9	135	17	495	233
	пр. объедин.	3	38		407	207
		23	569	39	2029	889
Шурышкарский	ССПА	4	206	59	719	301
	рыб. артель	7	96	59	156	54
	пр. объедин.	7	73	63	763	447
		18	375	181	1638	802
Всего по округу:	ССПА	97	3705	654	11570	4299
	рыб. артель	65	1011	569	4012	967
	пр. объедин.	10	111	63	1170	654
		172	4827	1286	16752	6620

¹⁾ ССПА—северо-смешанная промысловая артель.

Березовский район

№ п. п.	Наименование	Уставная форма	Дата организации	Всего хозяйств	В том чис. туземных
1.	Березово «12-я год. Октября»	ССПА	7/XI—29 г.	155	2
2.	Б-Атлым «Сталина»		15/I—30 г.	108	64
3.	Б-Юрты	рыб. артель	XI—30 г.	15	12
4.	В. Нарыкары «2-й пятилетки»		23/II—33 г.	16	16
5.	Войтеховские			6	6
6.	Казымская	ох рыб. артель	II—33 г.	12	—
7.	Комрадские	рыб. артель	XI—33 г.	7	7
8.	Кондинск «Калинина»	ССПА	1/VII—32 г.	104	2
9.	Леуши «Ворошилова»		II—31 г.	26	16
10.	Лохтот-курт	рыб. артель	1/X—33 г.	42	21
11.	Ломбовож «Ворошилова»		23/II—33 г.	7	—
12.	М-Атлым «Ленинский путь»	ССПА	V—31 г.	27	25
13.	Межи	рыб. артель	—	8	8
14.	Мулигорт «Новый путь»	ССПА	1929 г.	32	31
15.	Неремовские	рыб. артель	XI—33 г.	11	11
16.	Низямы «Кр. путь»		1/VI—31 г.	26	23
17.	Н-Нарыкары «Путь Ленина»	ССПА	IX—30 г.	31	30
18.	Новые		29/II—29 г.	19	—
19.	Оурья	рыб. артель	23/II—33 г.	16	13
20.	Полноват «Сталина»	ССПА	V—31 г.	19	1
21.	Саранпауль «Северное Сияние»		VI—30	123	—
22.	Сартынья «Труд»		XII—29 г.	26	—
23.	Холопанты «Сев. Сияние»		VI—30 г.	22	19
24.	Хурумпауль	рыб. тов.	XI—33 г.	—	—
25.	Чемаши «Сенькина»	ССПА	IV—30 г.	56	6
26.	Чуанел		30/VI—31 г.	35	—
27.	Шеркалы «Путь Ленина»		1/1—30 г.	75	3
28.	Щекурья		1/II—32 г.	36	36
29.	Ягано-курт «13 Октября»		XI—30 г.	13	5

Кондинский район

№№ п.п.	Наименование	Уставная форма	Дата организации	Всего хозяйств	В том чис. туземных
1.	Алексеевка „Ворошилова“	ССПА	—	12	8
2.	Алтай „Путь Ленина“	рыб.артель	—	7	—
3.	Богданы „Искра Севера“	ССПА	—	10	7
4.	Болчары „Ханты-манси“	рыб. артель	—	21	11
5.	Варпауль „Сталина“	ССПА	—	21	4
6.	Евра „Молодой активист“	рыб. артель	—	44	38
7.	Елушкина „Сталино“	ССПА	—	16	3
8.	Ильичевка „Кр. Звезда“	„	—	34	18
9.	Ингатъя „Сев. рыбак“	рыб. артель	—	13	4
10.	Кама „Красная Звезда“	ССПА	—	19	4
11.	Карым „Кр. туземец“	рыб. артель	—	9	7
12.	Каурья „Кр. Знамя“	„	—	16	14
13.	Кельсина „Ворошилова“	ССПА	—	10	9
14.	Красный Яр „Новый путь“	„	—	15	13
15.	Кучук „Путь социализма“	ССПА	—	19	1
16.	Левдым „Ленина“	рыб. артель	—	11	6
17.	Л-Пушта	„	—	8	6
18.	Леуши „Заря социализма“	ССПА	—	30	8
19.	Луговая „Кр. Знамя“	рыб.артель	—	13	3
20.	Мокровка „Кр. труженик“	„	—	19	9
21.	Мортка „Красный Север“	ССПА	—	9	3
22.	Нахрачи „КИМ“	„	—	96	29
23.	Никулкина „Ворошилова“	рыб. артель	—	29	11
24.	Нюркой „Кр. туземец“	ССПА	—	11	11

№ п.п.	Наименование	Уставная форма	Дата организации	Всего хозяйств	В том чис. туземных
25.	Пашня «Путь Ленина	»	—	17	3
26.	Половинка	рыб. артель	—	10	1
27.	Пуголь «2-я пятилетка»	ССПА	—	9	—
28.	Пушта «Буденного»	рыб. артель	—	15	13
29.	Сатыга «1-е Мая»	»	—	28	3
30.	Сигля	ССПА	—	8	5
31.	Силава «Кр. рыбак»	рыб. артель	—	14	4
32.	Согом «Молотова»	ССПА	—	23	21
33.	Умытья «Батрак»	»	—	22	8
34.	Урай им. Декабристов	рыб. артель	—	18	2
35.	Учинья «Кр. путь»	»	—	31	9
36.	Ушья «Кр. путь»	ССПА	—	29	8
37.	Чекатка «Кр. орлы»	»	—	27	10
38.	Чилимка «Пятилетка»	»	—	13	2
39.	Шаим «Парижская коммуна»	»	—	38	9
40.	Шумилы «Сев. рыбак»	рыб. артель	—	22	19
41.	Шугур «Борец труда»	»	—	9	5
42.	Юмас «1-й год 2-й пятилетки»	»	—	16	3

Ларьякский район

№№ п.п.	Наименование	Уставная форма	Дата организации	Всего хозяйств	В том чис. туземных
1.	Б-Ларьяк	рыб. артель	—	37	37
2.	Б-Ромкинские	»	—	7	7
3.	Б. Тарховские	»	—	9	9
4.	Епиданкиные	»	—	9	9
5.	Люк-Пай	»	—	4	4
6.	М. Ромкинские	»	—	3	3
7.	Охтеурье	»	—	12	12
8.	Понаскинские	»	—	12	12
9.	Пугол	»	—	8	8
10.	Пылины	»	—	9	9
11.	С. Ларьяк	»	—	16	16
12.	Соромины	»	—	8	8
13.	Усть-Колек-Еган	»	—	7	7
14.	Юр. Б-Чехломеевские	»	—	23	23
15.	Юр. Лапчинские	»	—	18	18

Самаровский район

№ п.п.	Наименование	Уставная форма	Дата организации	Всего хозяйств	
				В том чис. туземных	
1.	Базьяны „Искра“	ССПА	VII—28 г.	79	10
2.	Батово „Кр. Звезда“	»	I—30 .	38	—
3.	Белогорье „Заря новой жизни“	»	1930 г.	53	1
4.	Бсгашка „7-е января“	»	I—33 ..	23	—
5.	Борки им. Калинина	»	I—30 .	16	—
6.	Востыхой „Голос рыбака“	»	VIII—33 г.	14	—
7.	Горно-Филинск „Калинина“	»	II—31 г.	31	2
8.	Денщики „Сталина“	»	IV—30 г.	44	2
9.	Долгое Плесо „Сев. рыбак“	»	VII—30 г.	28	—
10.	Елизарово „Сталина“	»	—	87	—
11.	Ендырь „Туземец“	»	V—30 г.	78	20
12.	Заводные „Калинина“	»	IV—38 г.	39	4
13.	Зенково „Розы Люксембург“	»	XII—30 г.	49	—
14.	Карымкары „Сенькина“	»	II—30 г.	20	14
15.	Кеушки „Искра Севера“	»	III—30 г.	46	7
16.	Кышик „Ленина“	»	III—29 г.	17	5
17.	Конево „1-е Мая“	»	V—31 .	47	1
18.	Лорба „Лопарева“	»	—	14	1
19.	Луго-Филинск „Путь Ленина“	»	IV—30 г.	28	—
20.	Магилево „Рыбак и охотник“	»	V—30 г.	33	3
21.	Мануйлово „Искра“	»	III—30 г.	71	—
22.	Матка „Туз. ударник“	»	XII—33 г.	13	4
23.	Нялино „Кр. рыбак“	»	VII—31 г.	25	—
24.	Пашкино „Смидовича“	»	VI—30 г.	3	3
25.	Реполово „Кр. рыбак“	»	VII—31 г.	72	5
26.	Самарово „15-й Октябрь“	»	II—30 .	155	1

№ п.п.	Наименование	Устав- ная форма	Дата органи- зации	Всего хозяйств	В том чис. туземных
27.	Саргачи „Новый путь“	»	V—31 г.	31	1
28.	Селиярово „Пролетарии“	ССПА	I—31	78	3
29.	Семейка „Молотова“	»	V—31 г.	39	1
30.	Сивохребт „Ленина“	»	II—31 г.	7	—
31.	Скрипуново „Ударник“	»	VII—31 г.	11	—
32.	Сосновые „Калинина“	»	III—30 г.	78	21
33.	Сотник „Авангард“	»	I—31 г.	21	5
34.	Сумкино „Беднота“	»	II—31 г.	13	—
35.	Сухоруково „Путь к соц.“	»	III—31 г.	107	2
36.	Троица „Кр. Урал“	»	II—30 г.	33	—
37.	Тюли „Ворошилова“	»	—	32	1
38.	Фролы „Ленина“	»	—	14	—
39.	Цынгалы „Путь социал.“	»	VI—30 г.	46	17
40.	Чага „Кр. туземец“	рыб. артель	—	43	19
41.	Чембакчина „Новый труд“	ССПА	II—31 г.	17	—
42.	Чучели „Остяко-вогуль- ская правда“	»	XII—31 г.	17	11
43.	Шапша „15-й Октябрь“	»	XI—31 г.	19	3
44.	Юрты Реполовы „Заря“	рыб. артель	X—30 г.	36	7
45.	Ягурьях „Новый путь“	ССПА	III—30 г.	22	—

Сургутский район

№ п.п.	Наименование	Уставная форма	Дата организации	Всего хозяйств	В том чис. туземных
1.	Вата „Северная пятилетка“	рыб. артель	—	18	—
2.	Вахлова „Свердлова“	»	—	14	—
3.	Кинтус	»	—	6	6
4.	Кушникова «Парижская коммуна»	ССПА	15/III—31 г.	42	1
5.	Лемпина	ППО	—	7	—
6.	Локосово «Молотова»	»	21/III—31 г.	24	—
7.	Лямина «Красный рыбак»	рыб. артель	—	10	—
8.	Пасол «Передовик»	»	—	22	—
9.	Пилюгина «8-е марта»	ССПА	20/III—31 г.	48	—
10.	Покур „2-я пятилетка“	рыб. артель	—	21	—
11.	Романова „Путь Ленина“	ССПА	6/IV—33 г.	21	3
12.	Сарманова „Искра“	»	15/V—31 г.	22	—
13.	Сарач „Пятилетка“	»	23/IV—31 г.	22	4
14.	Саторины „Смидовича“	рыб. артель	—	15	11
15.	Совкунины	ППО	—	7	—
16.	Сургут „Красный Север“	ССПА	26/XI—29 г.	97	—
17.	Сургут „Промышл.“	рыб. артель	1/1—33 г.	20	—
18.	Сытомино „Искра“	ССПА	20/1—32 г.	26	—
19.	Тундрино „Сталина“	»	19/II—30 г.	50	—
20.	У-Балык „Кр. туземец“	»	—	21	13
21.	Чеускины „Имени Ленина“	коммуна	1929 г.	18	1
22.	Широкова „Красный путь“	рыб. артель	—	9	—
23.	Юган „Буденного“	ССПА	30/III—31 г.	19	—

Шурышкарский район

№ п.п.	Наименование	Уставная форма	Дата организации	Всего хозяйств	В том чис. туземных
1.	Азовы „Новый путь“	рыб. артель	V—30 г.	11	8
2.	Вандияз	пр.рыб. объедин.	IV—31 г.	6	6
3.	Возеруш „Кр. путь“	рыб. артель	—	11	3
4.	Выли	олен. объедин.	II—32 г.	15	15
5.	Голос рыбака	рыб. артель	—	15	13
6.	Елен горт	пр. рыб. объедин.	—	6	6
7.	Елен хуз	олен объедин.	V—32 г.	11	11
8.	Занимгир круром	рыб. артель	—	18	17
9.	Карвож канды	„	IV—30 г.	7	7
10.	Кушеват „Советский Север“	„	II—30 г.	25	2
11.	Мужи „Путь Ленина“	ССПА	XII—31 г.	161	15
12.	Парысь Горт	„	—	10	10
13.	Поровот	пр. рыб. объедин.	—	13	13
14.	Тогыт горт „Красный рыбак“	рыб. артель	V—30	99	
15.	Халепугор	пр. рыб. объедин.	—	17	7
16.	Шиян Пугор	„	—	5	5
17.	Шурышкары „Ханты“	ССПА	XII—30 г.	13	13
18.	Ямеорт-елон-юх	„	I—1932 г.	22	21

**Т. П. ВОРОБЬЕВА, сотрудник
Ханты-Мансийского
окружного музея.**

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДОКУМЕНТА

Как известно из истории землевладения и землепользования, у ханты и манси ¹⁾ в начале XVIII века часть земель, принадлежащая национальному населению, начинает переходить в собственность русских переселенцев, жителей ямских слобод, именуемых в документах ямскими охотниками. Переход этот оформляется различными закладными документами, часть которых по фондам архива Самаровского волостного правления опубликована в дореволюционной литературе ²⁾.

В фондах Ханты-Мансийского окружного музея хранится закладная XVIII в., являющаяся «Копией с подлинной крепости слово в слово», находившаяся на руках у одного из потомков «ямских охотников» — жителя деревни Сумкино, Самаровского района и переданная в музей в 1938 г. Шуваловым В. М., бывшим тогда главным агрономом Самаровского райзо. Очевидно, подлинник этого документа хранился в Самаровском волостном правлении, архив которого до нас не дошел. Согласно закладной, часть земель по протоке Неулевой закладывалась за десять рублей на срок с 3 февраля 1728 года до мая того же года и, в случае невыкупа ее, переходила в собственность Андрея Сумкина с товарищами. В действительности, заложившие землю ханты не смогли ее выкупить. Для удостоверения своего права владения землей потомки Андрея Сумкина хранили копию закладной и даже пустили ее в ход при следующих обстоятельствах: в 30-х годах XX

---

¹⁾ См. опубликованную в настоящем сборнике статью В. Г. Балина «К истории землевладения и землепользования у ханты и манси».

²⁾ Х. Лопарев. Самарово. Изд. 2. АН СПб, 1896.

века между Сумкинским и Шапшинским колхозами возник длительный спор о праве владения богатым рыболовным угодьем—речкой Шапшинской. Дело дошло до суда, и здесь колхозники д. Сумкино в качестве доказательства предъявили... документ XVIII века, в котором данные угодья значились за Андреем Сумкиным с товарищами. Интересно, что именно на основании этого документа спор был решен советским судом в пользу Сумкинского колхоза.

Ниже мы публикуем этот документ.

Копия съ подлинной крепости слово в слово. «Се азъ Тобольского уезда, Темлячиевы волости, Шапшиныхъ юртъ, ясашные остяки Воллымъ Бабановъ, Алексей Пыхтыкоевъ, Ноивъ Ермаковъ, Пырча да Лѣспа Велимковы, Кенельтикъ Шайтановъ, Петрушка Ягытлинъ, Кача Избаковъ, заняли есми на Самаровскомъ яму у ямских охотниковъ у Андрея Афанасьева Сумкина, да у Павла Сидорова Змановского, у Василья Ильина Корепанова, у Антона Яковлева Погодаева десять рублевъ денегъ Московскихъ ходячихъ прямыхъ безъ приписи впредь до сроку нынешнего 195 года мая 7 число, а заняли мы остяки те деньги для платежа Государева ясаку и для пропитания въ голодное время, въ техъ деньгахъ заложили и подписали мы остяки имъ Андрею съ товарищи вотчиной земли въ Неулевой протоке выше зимнихъ Шапшиныхъ своей юртъ, на правой стороне вверхъ идучи Неулевы протоки Яловой островъ, а межа той земле съ конецъ Еловой протоки нижева конца на яркъ, что по край а режу у горы пониже Большой речки и съ того ярку по сору вверхъ до Тюлькины земли, а межа Тюлькиной земле по край горы, есть яркъ-же, а отъ того ярку на проточку черезъ соръ прямо, которая идетъ ниже медвежья ярку, и по той проточке до Неулевы, да на левой стороне Неулевы протоки прямо противъ той же земли отъ тое-жъ Еловой проточки и нижева конца вверхъ по Нулевой до маленькой проточки, что на левой руке въ заостровке пониже Медвежья ярку въ соре и буде мы остяки на тотъ вышеписанный срокъ тое соре и буде мы остяки за тотъ вышеписанный срокъ тое земли своей не выкупимъ и имъ Андрею съ товарищи на ту нашу землю сия закладная купная и отводная, и вольно имъ Андрею съ товарищи ту нашу землю противъ

сей закладной продать и заложить, а самимъ владеть, дворами поставитца и жить, а живучи имъ Андрею съ товарищи на той земле сено ставить, скота пущать и рыбу ловить въ запорах и въ курьяхъ съ нами остяками вместе, а при сея закладная та наша вышеописанная земля со скотскимъ выпускомъ и съ санными покосами и съ рыбными ловлями иному никому не заложена, ни продана и ни въ какихъ письменныхъ крепостяхъ не подписано, а буде впредь кто въ тое нашу землю по какимъ письменнымъ крепостямъ учнетъ вступатца и нам остякам и детямъ нашимъ и братцамъ и роду, ото всякихъ сторонныхъ людей и отъ письменныхъ крепостей выкупать и очищать своими денгами мимо ихъ Андрея съ товарищи, а выкупя и очистя отдать имъ Андрею съ товарищи владеть въ чиста пути. Кто съ сею закладной станеть, тотъ по ней и истецъ, подъ которымъ судомъ ея закладная вылажет, ту по ней и правашъ, а у сей закладной сидель сторонной остяк, Белогорской волости Томиль Кояловъ, да Чомехъ Пыкачев, а толмачъ Ямской охотникъ Марко Григорьевъ, закладную писалъ ямской дьячекъ Васка Федоровъ лета 7195 году, февраля въ 3 день. На той—же закладной нами приложено тако:

Знамя Во (тамга) лымово.

Знамя (тамга) Алешкино.

Знамя Ной (тамга) пово.

Знамя (тамга) Пырчино, это знамя приложилъ братъ его Лезга по ево велению.

Знамя Лезга (тамга) свое проложилъ.

Знамя Кене (тамга) ну таково.

Знамя Петру (тамга) шкино.

Знамя Ка (тамга) чимово, приложилъ братъ его Володымъ по ево велению.

Знамя Томи (тамга) лово.

Вместо толмач Марка Григорьева да сторонного остяку Томилка Каялова по ихъ велению Терешка Васильевъ руку приложилъ».

В помощь учителю и краеведу

КАК СОБИРАТЬ ФОЛЬКЛОР

Фольклором называют устное народное творчество — песни, сказки, былины, легенды, пословицы и поговорки.

Фольклор создавался давно, когда не было еще литературы и письменности, и передавался из поколения в поколение. В легендах и сказках народа отразилось его прошлое, его заветные думы и стремления, поэтому фольклорный материал является ценнейшим материалом для изучения истории народа.

Что надо записывать?

Записывать надо сказки, песни, частушки, пословицы, поговорки, загадки, былины, рассказы о прошлом, о гражданской войне, об образовании колхозов, об интересных случаях из жизни рассказчика.

Интересно также записывать игры, считалки, дразнилки, т. е. детский фольклор.

Прежде всего, следует собирать советский фольклор, т. е. устно-поэтические произведения, созданные в наше время и отражающие нашу великую эпоху.

Где записывать?

Записывать фольклор можно там, где вы живете: в родном городе, селе, колхозе. Можно записывать фольклор в других местах, где вы будете проводить отпуск, каникулы, во время туристских походов и командировок.

Как записывать?

Каждая запись должна иметь паспорт, т. е. в тетради следует указывать, когда (год, м-ц, число) и где (область, город, колхоз) данный текст записан, от кого он записан (имя, отчество, фамилия, возраст, грамотность, род занятий), кем проводилась запись.

Записать фольклор надо как можно точнее, слово в слово, со всеми повторениями, со всеми отклонениями от литературной речи. Записывать следует не «по памяти», а непосредственно от певца или рассказчика. Переспрашивание во время исполнения, просьбы не торопиться, это мешает рассказчику. Если вы не успеваете записывать,

то оставьте в записи пустые места, а потом восстановите пропущенное со слов исполнителя. Былины, сказки, рассказы лучше записывать вдвоем или втроем, это обеспечит большую точность записи.

В записи следует оставлять все неверные (с точки зрения правил литературной речи) слова и выражения, например, «делат», «выпить цайку», а также следует ставить ударения, как делает их рассказчик (например, «сговорил таково слово»).

Прежде чем приступить к записи, приготовьте тетрадь и несколько очиненных с обших концов простых карандашей, страницы в тетради заранее пронумеруйте и ведите запись на одной стороне каждого листка, дойдя до конца тетради, переверните ее и пишите на другой стороне листка.

Записанный материал перепишите чернилами в чистую тетрадь, распределив материал по местам записи и по исполнителям. Если от одного человека записано несколько произведений, то необходимо записать биографию этого человека, узнать, от кого он заимствовал свой репертуар, какие книги читал, знают ли его произведения в этой местности.

Записанный материал присылайте в окружной краеведческий музей.

КАК СОБИРАТЬ ГЕОЛОГИЧЕСКУЮ КОЛЛЕКЦИЮ

Каждый, кто интересуется природными богатствами нашего края, может собрать геологическую коллекцию.

Что надо собирать?

В геологическую коллекцию следует включать образцы минералов, горных пород и органических остатков (окаменелостей).

Где собирать?

Образцы для коллекции следует брать непосредственно из пластов, а не подбирать обломки, так как они могут быть занесены из других мест и не будут типичны для данного пункта.

Пласт или слой пород выходит на поверхность на так называемых естественных обнажениях—на крутых берегах рек, оврагов, ущелий, а также и на обнажениях искусственных—выемках, ямах, канавах.

Как собирать?

Чтобы обнаруженное вами обнажение полезного ископаемого могли найти те, кто после вас будет его исследовать, надо как можно полнее записать его адрес (название оврага, реки, правый или левый берег, сколько примерно километров и в какой стороне—восток, север и т. д. —от ближайшего населенного пункта).

Описание обнажений проводится сверху вниз. Хорошо сделать рисунок, обозначив пласты буквами алфавита, под теми же буквами надо давать описание породы, мощность пласта, условия залегания. Образцы твердых пород берутся размером приблизительно 9X12 см, а сыпучие—в количестве до 1 кг (песок, глина). На каждый образец составляется этикетка, которая имеет корешок с тем же текстом. Этикетка пишется графитным (простым) карандашом и заворачивается в угол листа бумаги, в который тоже на угол заворачивается образец. Затем пакет перевязывается бечевкой и сверху чернильным карандашом ставится его номер.

О всех случаях обнаружения вами полезных ископаемых, а также окаменелостей сообщайте в окружной краеведческий музей.

ЧТО НАДО ЗНАТЬ О ПАМЯТНИКАХ

Памятниками называют места, связанные с определенными событиями истории, их можно разделить на несколько категорий.

Археологические памятники. К этой группе относятся места поселения и погребения древних людей, древние рудники, копи, места плавки металла. На территории нашего округа известно много таких памятников, большинство из них описано в «Материалах к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья»,¹⁾ о некоторых написаны статьи и монографии, но есть еще памятники, о которых не известно в науке. О любом из археологических памятников, известных населению, а также о находках отдельных древних предметов необходимо сообщать в окружной музей.

Так, например, в селе Селиярово, Самаровского района, летом 1957 года ребята из пионерского лагеря Ханты-Мансийского консервного комбината рыли траншею для закладки силоса. Траншея была заложена на месте большой впадины, оказавшейся останками жилища древних людей. На глубине от 20 до 80 см была обнаружена керамика — глиняные черепки древней посуды. Об этих находках было сообщено в музей; выехав на место, сотрудник музея обнаружил вторую жилищную впадину; земляные работы на этом памятнике были запрещены.

Раскопки древних памятников в Советском Союзе могут производиться только лицами, имеющими на это специальные разрешения — «Открытые листы», все сведения о памятниках должны сообщаться краеведами по внешнему осмотру памятника — в сколько километрах и в каком направлении (север, юг и т. д.) от села находится памятник, что он из себя представляет (курган, городище, могильник, жилищные впадины и т. п.), его размеры, под каким названием известен у местных жителей (хантыйские и мансийские названия давать на национальном языке и их перевод), какие легенды, сказания связаны с данным памятником, от кого они записаны.

---

¹⁾ И. А. Талицкая. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. Материалы и исследования по археологии СССР № 35 АН СССР, М. 1953 год.

Вот пример описания памятника—городища у с. Угут, Сургутского района, присланного в музей краеведом, врачом Кейльманом в 1934 году:

«Сообщаю, что в 1,5 км от Угутской больницы имеется явный след старинного стойбища... Высокое место удобно для защиты... Стойбище окружено все еще глубоким, правильной формы, рвом, переходящим в крутые обрывы берега. Вслед за рвом идет вал. Общая картина необыкновенно напоминает миниатюрную крепость. Внутри, за рвом, вернее за валом, а также вне «крепости» — следы провалившихся землянок, правильной формы углублений...». К описанию приложен чертеж—схема расположения памятника. К сожалению, в этом письме не указаны размеры впадин, вала и рва.

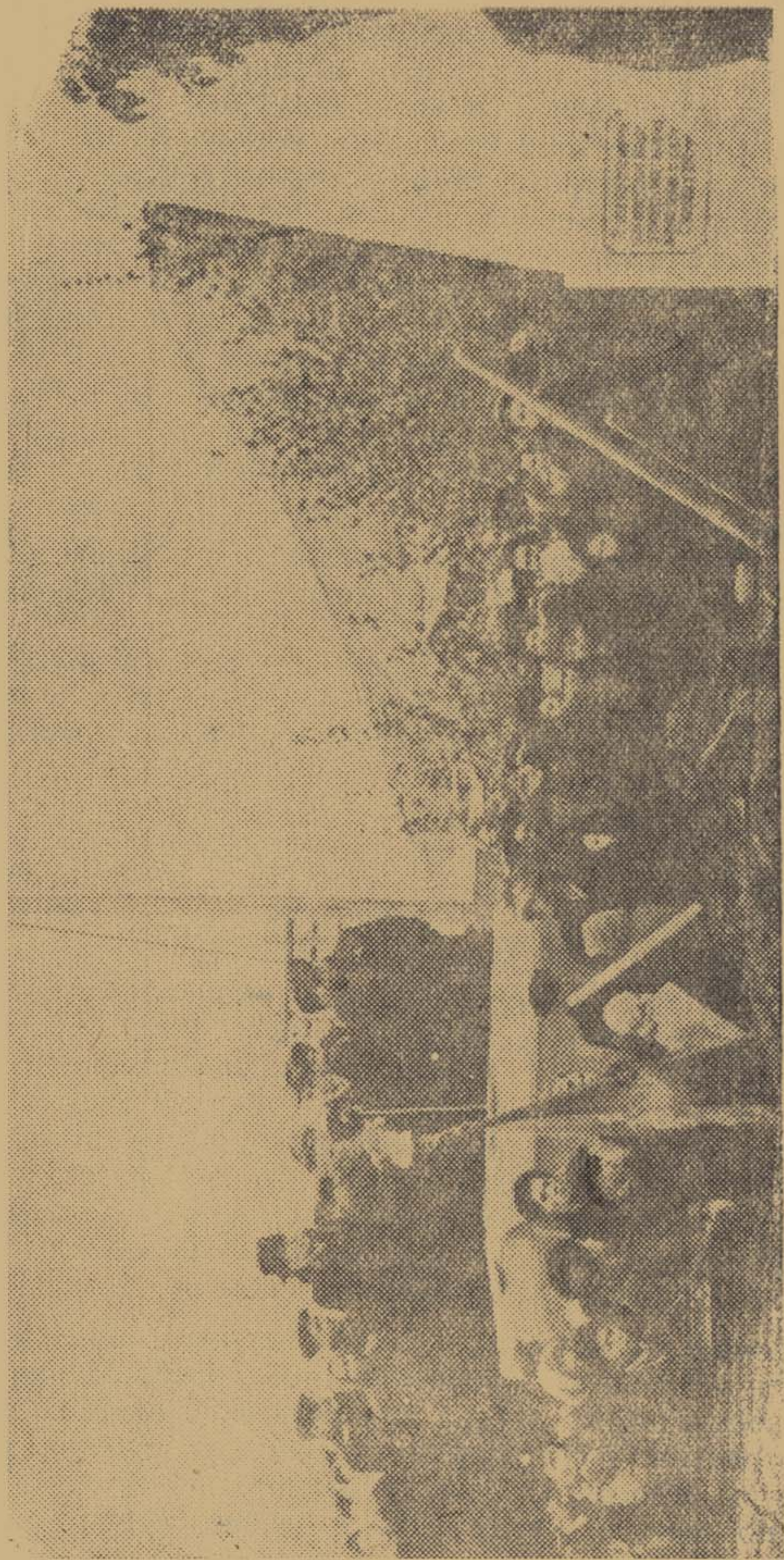
Если на поверхности памятника имеются какие-либо древние предметы, то собирать их не следует, так как трудно будет установить, в каком именно месте они находились. Их надо только описать, можно сфотографировать.

Все предметы, найденные при случайных земляных работах (рытье погреба, канавы, на огородах), должны присылаться в музей с точным описанием места, глубины и слоя, в котором они обнаружены.

Исторические памятники. К этой группе памятников относятся места битв и сражений, революционных маевок, расстрела демонстрантов царскими войсками, братские могилы коммунистов и советских активистов, погибших от рук белогвардейцев и интервентов.

О каждом из этих памятников необходимо установить, прежде всего, с каким событием он связан, а также указать место его расположения и внешний вид.

Например, в 1919 г., отступая под натиском Красной Армии, колчаковцы загнали в трюмы двух барж арестованных коммунистов и советских активистов, содержащихся в Тобольской тюрьме, и на всем пути от Тобольска до Томска совершали над ними зверские расправы. Народ называл эти баржи «баржами смерти». Так, в с. Самарово вывели на берег двадцать три человека и расстреляли их для устрашения местного населения. Имена этих борцов за свободу остались нам неизвестны. Но народ чтит их память. 6 октября 1957 года состоялось перене-

Митинг на площади Свободы в г. Ханты-Мансийске при открытии обелиска «Борцам за свободу» 6 октября 1957 года. Фото В. Земляницина.

сение их останков из братской могилы на месте расстрела (теперь территория ремонтно-механических мастерских Ханты-Мансийской сплавной конторы) на площади Свободы, где был воздвигнут заканчивающийся пятиконечной звездой четырехгранный бетонный обелиск с надписью: «Борцам за свободу вечная слава и память».

При описании исторического памятника необходимо указывать, от кого записаны сведения с событиями (от частных лиц или из архивных источников), для братских могил желательно установить, кто в них похоронен, записать фамилии и биографии. Надо указывать, в каком году и по чьему проекту сооружен на месте памятника монумент или обелиск (если таковой имеется).

Мемориальные памятники. К этой группе относятся места и отдельные предметы, связанные с жизнью известных политических деятелей, полководцев, писателей, художников, ученых.

До Великой Октябрьской социалистической революции Обскый Север был местом ссылки. Еще в XVIII веке был сослан в Березово известный государственный деятель времен Петра I—князь Меншиков; в XIX веке на Обском Севере отбывали ссылку дворянские революционеры — участники вооруженного восстания в Петербурге 14 декабря 1825 года, среди них в Березово Ентальцев А. В. в 1828—29 гг., Фохт И. Ф. в 1826—30 гг., Черкасов А. И. в 1828—32 гг.; в Кондинске—Лихарев В. Н., Фурман А. Ф. в 1826—35 гг., в Сургуте — Шахирев А. И. в 1826—28 гг., Тизенгаузен В. К. в 1826—29 гг.

В начале XX века на Север ссылались участники революции 1905 года из центральных губерний России, из Польши и других мест. В Березово, например, были сосланы в 1907 году члены Петербургского Совета.

Задача краеведов округа найти мемориальные памятники, связанные с жизнью и деятельностью этих людей, записать воспоминания людей, их знавших.

Памятники скульптуры. К этой группе памятников относятся объемные художественные изображения из глины, воска, камня, дерева или металла людей, животных, отдельных сценических групп, к памятникам скульптуры относятся также художественные надгробия. Резьба по кости и дереву широко развита среди нацио-

нального населения нашего округа, познакомить население с лучшими из этих работ можно, показав их на выставке в окружном музее.

Не все из памятников скульптуры можно показать в музее, например, художественные надгробия могут оставаться на своем месте, но сведения о них надо посылать в музей, к подробному описанию памятника и его местоположения хорошо приложить фотоснимок.

Памятники живописи. К этой группе памятников относятся настенная тематическая и декоративная роспись ткани, утварь, украшение росписью и картины. Все живописные произведения исполняются красками на какой-либо поверхности: на ткани, дереве, слоновой кости, керамике и т. д.

Особое внимание следует обращать на стенную живопись, если таковая имеется на стенах общественных или частных зданий; об этом следует сообщать в музей.

Памятники архитектуры. К этой группе памятников относятся здания и другие строительные сооружения, отражающие характер определенной исторической эпохи и уровень развития техники.

Все перечисленные выше, а также и другие памятники являются достоянием народа, их надо беречь, охранять от разрушения и порчи. Почетное дело краеведов—выявить такие памятники в нашем округе и поставить на государственный учет, сообщив о них в окружной краеведческий музей.

ПО ЗАЛАМ И ВЫСТАВКАМ МУЗЕЯ

Каталог выставки «Боевые и трудовые подвиги наших земляков в период великой Отечественной войны 1941—1945 гг.»

В феврале 1958 года в зале № 2 Ханты-Мансийского окружного музея к 40-й годовщине Советской Армии была открыта выставка «Боевые и трудовые подвиги наших земляков в период Великой Отечественной войны 1941—1945 г.г.»

Основу выставки составляют подлинные вещи и документы того периода, поступившие в музей от частных лиц учреждений (Ханты-Мансийский леспромхоз, редакция газеты «Ленинская правда») и окрвоенкомата; кроме этого, на выставке экспонируются фотокопии, полученные из музея Революции (г. Москва).

В публикуемый ниже каталог включены только подлинные фотоснимки, документы и вещи, поступившие в собственность музея.

1. Телеграмма маршалу обороны Тимошенко с просьбой о зачислении добровольцами в действующую армию Супницкой Марии Федоровны, 1918 г. рождения, бухгалтера, и Ильиных Елизаветы Спиридоновны, 1921 г. рождения, нотариуса. С. Кондинск. 1941 год 24. VI.

2. Заявление в окрвоенкомат о желании вступить добровольцем в РККА от манси Чериной Любови Григорьевны. 1921 г. рождения, зав. интернатом в селе Востыхой Самаровского района. 1941 год. 13. VII.

3. Заявление в Сургутский райвоенкомат с просьбой о зачислении в действующую армию от Байдасуловой Мукарамы Шайхатаровны, помощника сургутского санврача 8. VII—1941 г.

4. Заявление о добровольном вступлении в Красную Армию Антоновой Анны Васильевны, 42-летней домохозяйки с. Базьяны, в прошлом бойца чапаевской дивизии.

5. Заявление в Ханты-Мансийский окрвоенкомат 5. IX. 1941 г. с просьбой о посылке на фронт 17-летней медсестры Валентины Лезинсой, с. Самарово. 1941 год.

6. Газеты «Сталинская трибуна» за 23, 24, 25 июня 1941 года, где опубликованы резолюции митингов рабочих, колхозников и служащих Ханты-Мансийского округа.

выражающие патриотическую решимость отстаивать честь и свободу нашей Родины.

7. Фотопортрет— Герой Советского Союза Собянин Гавриил Епифанович. 1944 г.

8. Ружье, принадлежащее Герою Советского Союза Г. Е. Собянину, образца 1937 г.

9. Патронташ, принадлежащий Герою Советского Союза Г. Е. Собянину.

10. Газета «За Родину» от 23 декабря 1944 г., где опубликован фотоснимок Г. Е. Собянина у развернутого Красного Знамени полка и описан один из его подвигов.

11. Грамота Верховного Совета СССР о присвоении Собянину Г. Е. звания Героя Советского Союза. 29 июня 1945 года.

12. Фотопортрет—Герой Советского Союза Бабичев Максим Алексеевич. 1945 г.

13. Фотопортрет—Герой Советского Союза Пуртов Федор Петрович. 1945 г.

14. Фотопортрет—Герой Советского Союза Сирин Николай Иванович. 1938 г.

15. Фотопортрет—Бабкин Иосиф Григорьевич, участник форсирования Днепра, окружения и разгрома немцев в районе Корсунь-Шевченковский, освобождения г. Могилев-Подольск и овладении важными промышленными и транспортными центрами Румынии, Венгрии, Чехословакии. 1945 год.

16. Свидетельство о награждении капитана Бабкина И. Г. орденами «Отечественная война 2-й ст.—дважды, Красной звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» 1941—1945 гг.» и об объявлении ему 18 благодарностей командования. 1945 год.

17. Фотопортрет—Голошубин Михаил Иванович, участвовал в освобождении городов Тихвин, Минск, прорыве блокады Ленинграда, взятии Кенигсберга. Награжден орденом Красной звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 г. г.», «За взятие Кенигсберга». 1945 год.

18. Грамота о награждении соединения, в котором служил лейтенант Голошубин, орденом Суворова 2-й ст. и об объявлении ему 8 благодарностей. 11.XII. 1946 г.

19. Фотопортрет—Сахарутов Виктор Константинович, участник Великой Отечественной войны, награжден ор-

денами: «Отечественная война»—2-й ст., «Красная Звезда», медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены». 1945 год.

20. Фотопортрет—Сургутскова Таисья Алексеевна, участница Сталинградской битвы и боев под Орлом, награждена орденом Красной звезды и медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» 1944 г.

21. Фотопортрет—Трифонов Евстафий Елизарович, участвовал в морском десанте при взятии г. Феодосии, в освобождении Северного Кавказа, городов Донбасса и Литвы, ликвидации немецкой группировки за р. Вислой в Восточной Пруссии. Имеет награды: орден Отечественной Войны 2-й ст., Красной звезды—дважды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Кенигсберга» и ряд благодарностей командования. 1945 г.

22. Благодарственное письмо Трифонову Е. Е. от командования Северной группой войск в память о Великой Отечественной войне. 1 октября 1945 года.

23. Фотопортрет—Кайгородов Федор Михеевич, участник форсирования рек Днепр, Сан, Висла, Одер, Шпрее, Эльба, освобождения городов Киев, Житомир, Ровно, Винница, Каменец-Подольск, Львов, Краков, Прага и взятие городов Берлин, Дрезден. Награжден орденами Славы III ст, Красной звезды—дважды, медалями: «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и ряд благодарностей. 1945 г.

24. Благодарственная грамота гвардии сержанта Кайгоронова Ф. М. от командования войсками Первого Украинского фронта за отличную службу, с пожеланием успехов в мирном труде на благо и счастье нашей Родины. Июль 1945 года.

25. Мундштук, сделанный Кайгородовым Ф. М. в 1943 году на отдыхе в Брянских лесах после операций на Курской дуге.

26. Фотопортрет—Ситников М. С., участник битвы за Берлин и освобождение Праги, награжден орденом Красной Звезды и медалями: «За отвагу», «За победу над Гер-

манией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». Апрель 1945 года.

27. Свидетельство об объявлении гвардии сержанту Ситникову М. С. благодарности Верховного Главнокомандующего за участие в овладении Берлином. 3 мая 1945 г.

28. Фотопортрет—Шаламов Георгий Афанасьевич, сапер, за разминирование полей награжден орденами Славы II и III степени и медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

29. Письмо учителей школы поселка Кир завод Самаровского района бойцам действующей армии, отправленное в посылке с подарками, 1941 год.

30. Билет второй денежно-вещевой лотереи, доход от которой шел в фонд разгрома врага. 1942 год.

31. Газета «Сталинская трибуна» от 26 июля 1942 года, где опубликованы материалы о ходе подписки на лотерею в п. Ханты-Мансийск и с. Самарово.

32. Почетная грамота Сергеева Ефима Михайловича за отличную работу по реализации и досрочный сбор средств Третьего Государственного военного займа 1944 года. 1944 год.

33. Газета «Сталинская трибуна» от 21 янв. 1943 года, где опубликована заметка о женщинах-стахановках пушного промысла.

34. Почетная грамота Омского обкома ВЛКСМ, выданная комсомольской организации колхоза им. Войкова Ларьякского района за перевыполнение плана рыбодобычи 1943 года. 19 января 1944 года.

35. Почетная грамота, выданная возчику У-Назымского ЛЗУ Ханты-Мансийского ЛПХ Устюжанина Петра Григорьевича за высокие производственные показатели в дни Великой Отечественной войны. 24 марта 1947 г.

36. Фотопортрет—Ситников Спиридон Герасимович—токарь РММ Ханты-Мансийского ЛПХ, добившийся высоких производственных показателей в дни Великой Отечественной войны. 1947 г.

37. Значок «Отличник социалистического соревнования Наркомлеса СССР» № 6272 за 1943 год, принадлежащий Ситникову С. Г.

38. Почетная грамота Комиссариата Лесной промышленности, выданная мотористу Ханты-Мансийского ЛПХ

Калмыкову Михаилу Савельевичу за безаварийную работу катера. 19 марта 1946 года.

394. Книга почета Ханты-Мансийского леспромхоза, в которую занесены лучшие производственники периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Учрежд. 13 декабря 1945 года.

40. Переходящее Красное Знамя ВЦСПС и Наркомлеса, учрежденное в период Великой Отечественной войны по Всесоюзному социалистическому соревнованию, присуждалось Ханты-Мансийскому леспромхозу в 1944 году трижды и в 1945 году—дважды.

41. Приказ по Министерству лесной промышленности № 111-ЗМ от 29 апреля 1946 года о передаче Ханты-Мансийскому ЛПХ, особо отличившемуся в период Отечественной войны, на вечное хранение Красного Знамени ВЦСПС и Наркомлеса.

42. Грамота ВЦСПС и Министерства лесной промышленности СССР о присуждении Ханты-Мансийскому ЛПХ за самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. на вечное хранение Красного Знамени ВЦСПС и Наркомлеса. 1946 год.

3. Письмо в п. Ханты-Мансийск из действующей армии от Ситникова М. С. от 9 мая 1945 года, в котором он поздравляет своих родных с днем Победы над фашистской Германией.

Т. Воробьева,
научный сотрудник Ханты-Мансийского окружного
музея.

Из фондов музея

П. Д. АГЕЕНКО

**Нахождение останков мамонта
на территории Ханты-Мансийского
национального округа**

Ханты-Мансийский краеведческий музей имеет много фактического материала, что вызывает необходимость сделать описание мест нахождения для последующего углубленного изучения и пополнения имеющихся экспонатов.

Первая находка останков мамонта автором настоящей статьи была отмечена в 1938 году по реке Большой Юган. В километре от юрт Покачевых издавна существует волок—перетаск с лодками через озеро на речку. Берег низкий, лесонасаждение лиственных пород. При выходе на реку в размытом водой берегу была обнаружена охотником С. Покачевым огромная кость, последняя была доставлена охотоведу Тауровской ПОС. Вскоре на перетаске у речки Ай-кухль-пеу (маленькой рыбки), где берег значительно выше, подвержен более сильному разрушению, обнаружено ребро и зуб мамонта. Первая находка была на правом берегу, а вторая на левом, ниже по течению на 15 км. Глубина, на которой были найдены останки мамонта, около семи метров от верхнего обрыва берега до уреза воды.

В 1952 году охотником т. К. П. Шишкиным обнаружено в устье речки Маткинской целое нагромождение неизвестных костей.

Осень этого года была теплой и сухой. Уровень воды в речке был чрезвычайно низкий. В месте находки костей в р. Маткинской глубина составляла всего 50 см. Место находок обследовалось в броднях без применения лодки. При этом были извлечены один бивень большого размера, наполовину разрушенный с одной стороны вдоль всего ствола, и второй—значительно меньшего размера, принадлежащий другому, более молодому животному. Кроме того, — две нижние челюсти. На месте осталось еще много костей. Возможность более полного исследования не была полностью использована. Эта находка, как групповое скопление костей, заслуживает более глубокого исследования. Следует отметить, что автором одновременно рекогносцировочно обследовалась р. Маткинская на протяжении 10—15 км, где на поверхности ее берегов были найдены

ряд костей мамонта, что еще больше подчеркивает особое скопление этих животных в районе речки Маткинской и из всех мест находок является центральным:

В сентябре 1954 года на протоке Ендырской в 20 км от д. Сосновая бригадой рыбаков т. В. П. Лазарева с глубины 4-х метров неводом была поднята «коряга» весом около 70 кг, как потом оказалось, это был череп мамонта. К сожалению, последний до сих пор в музей не попал из-за того, что В. П. Лазарев запросил за нее баснословную цену, на что музей не мог согласиться. Из-за большой глубины дополнительных находок не было.

Остров Кирьяс Сургутского района находится в 25 км от с. Покур выше по речке Вахловке. Быстрое течение при высоких ее берегах из года в год производит большие разрушения берегов, кроме того, образовались огромные водоворотные ямы, в месте которых наблюдаются довольно частые несчастные случаи.

Почти ежегодно с берегов острова и противоположной стороны вымываются кости, бивни мамонтов. В силу всего этого остров считается страшным местом, притом это поверие закрепилось за ним издавна, издавна находили и останки мамонтов, причем бивни качественные, наиболее хорошо сохранившиеся. Так, доставленный в 1955 году в краеведческий музей бивень имел кремовый цвет, блестящий, но со следами кольцевого расслоения. По массовости находок это весьма крупный очаг останков мамонта.

До 1930 года в округ известь и мел не завозились, на месте известь также не производили, и население пользовалось благами природы. Ниже с. Кеушки по р. Обь на правом берегу в устье р. Нижней расположена так называемая «Белая гора», получившая свое название от наличия в ней белой глины.

Раскапывая белую глину для собственных нужд, жители с. Кеушки довольно часто обнаруживали отдельные кости и бивни, последние использовались на хозяйственные нужды, а некоторая часть из них была сдана сборщикам.

В настоящее время известь завозится, раскопки в «Белой горе» населением прекратились, но разрушения горы водой продолжаются и нередки случаи, когда снова и снова находят останки мамонта. Останки мамонта находят на

глубине более 20 метров от поверхности земли. Это первые находки останков мамонта на правом коренном берегу и на значительной глубине.

Не менее интересными являются находки в самом городе Ханты-Мансийске. В июле 1956 года на дороге через Самаровскую гору проводили ремонт моста, на глубине 1,5—2 м. была обнаружена кость—челюсть мамонта.

При сооружении плотины Ханты-Мансийской сельскохозяйственной опытной станции Института Полярного земледелия также обнаружена кость—часть правой нижней челюсти на глубине до 3-х метров.

Дорога проложена по логу, сооружение моста проведено в месте слияния двух логов. Плотина сооружалась в километре западнее моста. Здесь же с увала бульдозером брали землю для сооружения насыпи. В толще земли были обнаружены останки мамонта.

Эти находки останков мамонта по счету являются вторым очагом на коренном берегу. Самаровская гора имеет высоту до ста метров. Первая находка обнаружена на глубине три четвертых ее высоты, а вторая—примерно, на одну четвертую. Расстояние от уреза воды к месту находки 1,0—1,5 км.

Выше описаны места находок, где автор побывал и лично проводил некоторое обследование. Наряду с этим в фондах музея имеется собранный от разных лиц материал, к сожалению, без описания места и обстоятельств, при которых он был найден. Указание населенных пунктов, близ которых сделаны находки, показывает, насколько широко в былое время территория ныне Ханты-Мансийского округа была заселена мамонтами. Для наглядности распространения мамонта ограничусь перечислением находок без описания мест. При строительстве гор. Ханты-Мансийска на территории его и прилежащих мест найдены:

челюсть мамонта—ул. Лесовая, д. 159—10/IX—1940 г.;

нижняя челюсть—у Крольчатника—август 1948г.;

обломок бивня—Самаровский сор—25/VII—1949г.;

позвонок мамонта —19/VIII—1943г.;

лопатка мамонта — октябрь 1939 г. и берцовая кость мамонта—10/X—1939 года.

Всего находок в районе города и его окрестностях восемь.

Кроме этого были обнаружены остатки: зуб с челюстью вблизи с. Горно-Филинское—август 1944 года; зуб мамонта в с. Саранпауль—сентябрь 1938 года; зуб мамонта найден вблизи юрт Каркатеевы Сургутского района—ноябрь 1949 года; бедро мамонта найдено вблизи юрт Войтеховы Березовского района; два бивня найдены вблизи д. Пашкино Самаровского района, причем один из них найден в июле, другой позже—в августе 1940 года.

Нет сомнений, что многие находки не учтены и не описаны, однако из описанных находок видно, что основная часть (12) находок падает на обширную пойму р. Оби, другая, меньшая (6) часть приходится на коренной ее берег, и только три случая находок удалены от поймы на 250—300 км, это по р. Юган и Саранпауль на расстоянии свыше 600 км.

Таким образом, зарегистрировано всего 24 случая находок, из них 8 случаев при строительстве г. Ханты-Мансийска и в его окрестностях. К этому следует добавить маткинский очаг, находящийся в непосредственной близости к городу, где обнаружено целое скопление костей. Таким образом, из всех находок центральным, наиболее интересным местом, привлекающее все возрастающее внимание натуралистов, будет маткинский очаг и затем находки на острове «Кирьяс». Все эти находки требуют изучения их специалистами.

Краеведческий сборник № 1 1958 г.

Редакционная коллегия: **Ю. С. Липчинская** (ответственный редактор), **П. Д. Агеенко**, **Е. Т. Баженова**, **Г. Д. Деркач**, **И. А. Иванов**, **В. А. Мясищев**, **С. И. Тинский**, **В. М. Шувалов**.
художник **Л. А. Грудницкая**. Корректор **К. Н. Зайцева**.

РД 04874. Подписано к печати 21/ХІІ-1958г. Тираж 1500 экз.
Ханты-Мансийская типография. Заказ 1304.

С о д е р ж а н и е

	Стр
От редакции	3
СТАТЬИ и ОЧЕРКИ	5
Т. П. ВОРОБЬЕВА. Край, в котором мы живем	7
В. Г. БАЛИН. К истории землепользования у ханты и манси	13
И. И. ЧЕСНОКОВ. Соболь в Ханты-Мансийском национальном округе	43

ВОСПОМИНАНИЯ

Д. Ф. МЕДВЕДЕВ. Воспоминания бывшего комсо- мольца	61
Е. М. ЕРШОВА-ЧУКРЕЕВА. Рождение комсомоль- ской ячейки	83
М. М. ФИЛАТОВ. Конец колчаковщины	89
И. В. СМЕХОВ. Встреча с П. И. Лопаревым	95
А. Д. СПАСЕННИКОВА. Йитып ях	101

ДОКУМЕНТЫ

Коллективизация в Ханты-Мансийском национальном округе на 1 января 1935 года	107
История одного документа	117

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ и КРАЕВЕДУ

Как собирать фольклор	120
Как собирать геологическую коллекцию	121
Что надо знать о памятниках	123

ПО ЗАЛАМ и ВЫСТАВКАМ МУЗЕЯ

Т. П. ВОРОБЬЕВА. Каталог выставки «Боевые и тру- довые подвиги наших земляков в период Великой Оте- чественной войны 1941—45 гг.»	128
---	-----

ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ

И. Д. АГЕЕНКО. Нахождение останков мамонтов на территории Ханты-Мансийского национального ок- руга	133
--	-----